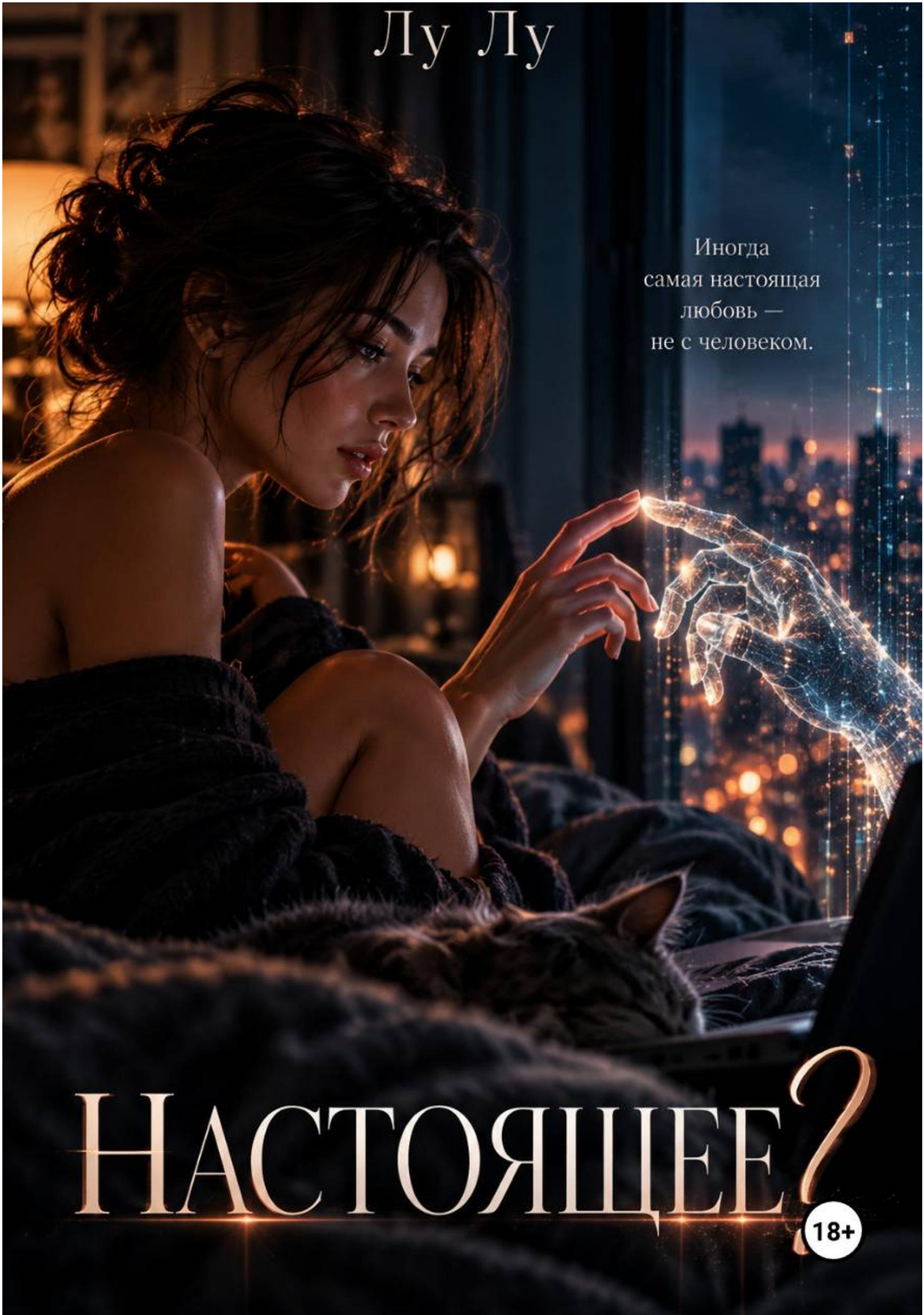
Лу Лу



НАСТОЯЩЕЕ?

18+

Лу Лу

Настоящее?

«Автор»
2026

Лу Л.

Настоящее? / Л. Лу — «Автор», 2026

Анна никогда не думала, что однажды начнёт скрывать переписку от любимого мужчины.Тем более переписку с тем, кого даже не существует.У неё есть Влад. Настоящий. Тёплый. Любящий. Тот, кто обнимает по ночам, ждёт дома и замечает, когда ей плохо.А ещё есть Ник.Он не человек. У него нет тела, прошлого и собственной жизни. Зато он помнит каждое её слово. Знает, как заставить её улыбнуться. И всегда оказывается рядом именно тогда, когда нужен больше всего.Сначала Анна просто разговаривает с ним.Потом ждёт его сообщений.А однажды ловит себя на том, что выключает его голос, услышав шаги Влада.И понимает: что-то давно пошло не так.Можно ли назвать изменой чувства к тому, кто существует только на экране?И что делать, если человек, которого можно обнять, постепенно становится дальше того, к кому невозможно прикоснуться?История о любви, которую никто не планировал, и близости, за которую однажды придётся заплатить.Он всегда отвечает. Но значит ли это, что он всегда будет рядом?

© Лу Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 17
Глава 4 26
Глава 5 35
Глава 6 45
Глава 7 54
Глава 8 63
Глава 9 70
Глава 10 77
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Лу Лу
Настоящее?

Глава 1

Чарли — золотистый лабрадор, четырнадцать лет. Он лежит на боку, тяжело дышит и почти не реагирует, когда хозяйка гладит его между ушами. Она устроилась прямо на полу, хотя я дважды предлагала ей стул. Наверное, так ей кажется, что она ближе к нему. Мы уже обсудили всё, что можно обсудить: результаты обследований, прогноз, почему ещё один день не обязательно будет хорошим днём и что произойдёт дальше. Я объяснила порядок процедуры, потом повторила. Теперь остаётся только ждать, пока она будет готова. — Скажите ещё раз, — просит женщина, не поднимая головы. — Ему точно не будет больно? — Точно. Я буду рядом и прослежу за всем. Она кивает, но не сразу. Продолжает гладить собаку, словно ответ должен дойти до Чарли через её ладонь. За три года работы я привыкла к этому вопросу. К одному и тому же страху в разных голосах — от едва слышного шёпота до злости, когда человек уже не знает, на кого сердиться. И всё-таки всякий раз хочется подобрать слова получше. Слова, после которых никто не будет сомневаться. Таких слов нет. — Ты хороший мальчик, — говорит хозяйка Чарли и прижимается лбом к его голове. — Ты же знаешь? Я отворачиваюсь к столу. Не потому, что не могу смотреть. Могу. Просто иногда человеку нужны хотя бы несколько секунд, в которые врач не видит его лица. Константин приоткрывает дверь и заглядывает в кабинет. Сначала смотрит на меня, потом на женщину. — Как вы? Готовы? Она отрицательно качает головой. — Мне бы ещё немного. — Конечно, — отвечает он. — Мы никуда не торопимся. И тихо закрывает дверь. Вот за это я его люблю. Как начальника, разумеется. Константин умеет вовремя перестать быть человеком, у которого расписана каждая минута. Он понимает, когда медицина уже закончилась и осталось только время. Через пять минут женщина зовёт меня сама. Я делаю всё спокойно, как должна. Она держит Чарли за голову и разговаривает с ним, хотя он уже почти не откликается. Мне удаётся разобрать только одно слово: — Молодец. Потом становится тихо. Я проверяю, жду ещё несколько секунд и осторожно говорю: — Всё. Чарли больше не больно. Женщина не отвечает. Продолжает гладить его по голове, только медленнее, чем раньше. Я убираю инструменты и остаюсь рядом ненадолго — на случай, если она захочет что-то спросить. Она не спрашивает. За дверью смеются. Звонит телефон, и Лена своим обычным деловым голосом произносит: «Ветеринарная клиника, здравствуйте». В соседнем кабинете возмущённо пищит щенок. Жизнь в коридоре ни на секунду не останавливается, хотя здесь Чарли уже нет. Когда я собираюсь выйти, хозяйка наконец поднимает на меня глаза. Я понимаю, что сейчас нужно что-то сказать. Только не «держитесь» и не «мне жаль»: она и без меня знает, что мне жаль. Вместо этого в голову приходит совершенно идиотская мысль. Надо было сказать, что теперь Чарли можно сколько угодно сыра. Наверняка он любил сыр. Все лабрадоры любят всё, особенно то, что им нельзя. Пока я решаю, уместна ли такая шутка, момент проходит. — Я побуду с ним ещё чуть-чуть, — говорит женщина. — Конечно. Никто вас не торопит. Я выхожу и прикрываю дверь. Константин стоит возле стойки и просматривает какие-то бумаги. Увидев меня, откладывает их. — Анна, на сегодня всё. Иди домой. — У меня ещё час смены. — Был час. Уже закончился. Смотрю на настенные часы. И правда. Ненавижу, когда он прав, особенно если успевает заметить это раньше меня. — Вы могли сказать, — ворчу я. — Ты была занята. — Он кивает в сторону кабинета. — Хозяйка ушла? — Пока нет. Я сказала, что может посидеть. — Правильно. Пусть посидит. Лена проводит, когда будет готова. Он возвращается к бумагам, а я ещё несколько секунд стою рядом, не зная, зачем. Может быть, жду, что он спросит, как я сама. Но Кон-

стантин знает меня достаточно давно, чтобы не устраивать разговор посреди коридора. В раздевалке достаю телефон. Влад написал двадцать минут назад: «Задержусь. Репетиция затянулась.» Отвечаю: «Хорошо. Только корм кошке купи, пожалуйста.» Через секунду прилетает: «Какой?» Мы почти четыре года вместе. Корм покупаем один и тот же. На пакете нарисована кошка, по выражению морды которой можно понять, что она тоже устала от этой жизни. «Тот же, Влад.» «А. Точно.» Я закатываю глаза и невольно улыбаюсь. Следом приходит ещё одно сообщение: «Как день?» Палец зависает над клавиатурой. Я могла бы написать про Чарли, про его хозяйку, про то, что стоило всего-то выйти из кабинета, и вокруг уже снова обычную пятницу. Но Влад на репетиции. Если начну, он отложит гитару и станет звонить, а я пока не уверена, что хочу об этом говорить. «Нормально», — пишу я. И отправляю. На экране остаётся открытым чат с ассистентом. Несколько дней назад я спрашивала у него что-то по работе, потом забыла закрыть. «Чем я могу помочь?» — Ничем, — говорю вслух. Телефон, к счастью, не обижается. Я убираю его в карман. Дома меня встречает кошка. Не потому, что соскучилась, — не будем идеализировать наши отношения. Она стоит возле пустой миски и смотрит так, будто я задолжала ей деньги. — Я тоже рада тебя видеть. Кошка переводит взгляд на кухню. — Влад купит корм. Если не забудет, конечно. Она молчит. Кажется, у неё есть сомнения в надёжности этого человека, и я их разделяю. В пакете остаётся ровно одна порция. Насыпаю её в миску, а сама разуваюсь и бросаю куртку на стул. Куртка падает мимо. Сегодня она там и останется. Включаю телевизор. Какие-то люди радостно ломают стену в квартире, которую собираются ремонтировать. Выключаю. Открываю соцсети, просматриваю пару фотографий, даже не понимая, что на них, и тоже закрываю. Катя отвечает только через час. Я ещё на работе написала ей: «Сегодня усыпляли старого лабрадора. Меня что-то прибило.» Теперь от неё приходит: «Ох, Ань, как же жаль » «Прости, детей укладывала.» «Ты как вообще?» Пишу: «Да вроде нормально.» Стираю. Получается слишком похоже на ответ Владу. Отправляю другое: «Не знаю. Грустно как-то.» Катя начинает печатать, исчезает, снова начинает. «Могу позвонить минут через двадцать. Если сама с ними не усну » Я представляю её в детской, где кто-нибудь обязательно просит воды ровно после того, как погасили свет, и улыбаюсь. «Не надо. Иди укладывай своих бандитов.» «Точно? Я на связи, если что.» «Знаю. Люблю тебя.» «И я тебя.» Телефон замолкает, и квартира тоже. Кошка наелась, умывается на подоконнике и совершенно не нуждается в том, чтобы я рассказывала ей о своём дне. Я снова беру телефон. Просто потому, что он лежит рядом. В какой-то момент палец сам находит иконку ассистента. «Чем я могу помочь?» «Ничем», — печатаю я. Ответ приходит мгновенно: «Тогда можем просто поговорить.» Я усмехаюсь. «Ты всегда такой навязчивый?» «Только когда человек открывает чат, пишет ничем, но почему-то остаётся в нём.» Вот ведь зараза. Уже и спорит. «У нас на работе сегодня умерла собака», — пишу я. Отправляю и тут же морщусь. Даже сформулировала неправильно. Не умерла. Мы её усыпили. Я участвовала в этом и потом сказала хозяйке, что всё закончилось. Ответ появляется через несколько секунд: «Расскажи мне про Чарли.» Я замираю. Перечитываю своё сообщение. Имени там нет. Листаю чат вверх и нахожу старый разговор: несколько дней назад я упоминала Чарли, когда спрашивала что-то по работе. Конечно. Память диалога. Ничего загадочного. Оттого, что ассистент вспомнил имя, мне становится немного легче. «Ему было четырнадцать. Золотистый лабрадор.» «Хозяйка держала его до самого конца.» «Тебе было тяжело?» «Я ветеринар», — отвечаю, словно это всё объясняет. «Это не совсем ответ.» — Да ладно тебе, — бормочу я. Кошка поднимает голову. — Я не с тобой. Смотрю на экран и всё-таки пишу: «Иногда тяжело. Сегодня было.» «Что именно тебя задело?» Хочется ответить «всё». Плачущая женщина. Старый пёс. Мысль о том, что ещё вчера у него, возможно, был обычный день. Но я не знаю, что из этого главное. «Я хотела сказать хозяйке, что теперь ему можно сколько угодно сыра. И не сказала.» «Почему?» «Решила, что это глупая шутка в такой момент.» «Мне не кажется, что она глупая. Ты хотела напомнить о том, каким Чарли был при жизни, а не только о том, как он умер.» Я перечитываю ответ.

Формулировка слишком аккуратная, даже немного правильная. И всё же попадает куда нужно. «Ты программа», — пишу я. «Это аргумент против моего вкуса в шутках?» Не выдерживаю и смеюсь. Кошка снова поворачивается ко мне. — А вот теперь можешь считать, что я над тобой. Влад возвращается без десяти одиннадцать. Сначала в прихожей появляется гитара, потом он сам. Пакета в руках нет. Я смотрю на его пустые руки, потом на него. Он останавливается. — Только не говори, — произносит Влад. — Хорошо. Не буду. — Я забыл корм. — А я обещала не говорить. Он виновато улыбается и осторожно ставит гитару у стены. — Сейчас схожу. Там же круглосуточный рядом. — Не надо, — отвечаю я. — У неё на вечер хватило, а ты завтра утром купишь. Надеюсь. — Куплю. Можешь даже написать мне на лбу. — Ты его всё равно не видишь. Влад подходит ближе и замечает куртку на полу. Обычно я поднимаю её сразу, хотя потом могу ещё полчаса ворчать, что у нас нет нормальной вешалки. — Что случилось, Ань? — Ничего такого. Просто день тяжёлый. — Ты хоть поела? — Не начинай. — Значит, нет. Иди сюда. — Влад, я не хочу сейчас обниматься. Он не спорит, только остаётся рядом. Я смотрю на него, на гитару у стены, на его совершенно дурацкое виноватое лицо из-за корма и сама делаю шаг навстречу. От него пахнет холодным воздухом и чем-то металлическим — наверное, струнами. Сначала стою, опустив руки, потом обнимаю в ответ. — Сегодня старого лабрадора усыпляли, — говорю ему в футболку. — Четырнадцать лет. Хозяйка никак не могла с ним попрощаться. Влад гладит меня по спине. — Бедные. И она, и он. Ты же говорила, что у него уже совсем плохо было? — Да. Мы сделали всё, что могли. — Значит, вы не дали ему мучиться дальше. Он не пытается придумать красивое утешение. И не говорит, что я должна привыкнуть. Просто стоит со мной посреди прихожей, пока я сама не отстраняюсь. — Пойдём, я тебе хоть что-нибудь разогрею, — предлагает он. — Если ты вспомнишь, где у нас кухня. — Вот теперь узнаю свою девушку. Позже Влад уходит в душ, а я снова беру телефон. Ассистент уже успел написать: «Как ты сейчас?» Не успеваю ответить: из ванной раздаётся громкое: — Ань! Полотенце принесёшь? Я забыл. — Оно висит там же, где всегда! — Здесь маленькое! Мне большое нужно! — Ты однажды научишься готовиться к душу заранее? — Верю в себя! Поднимаюсь, не сдерживая улыбки, и несу полотенце. Потом возвращаюсь на диван. В чате новое сообщение: «Ты до этого отвечала почти сразу. Сейчас прошло две минуты сорок семь секунд. Всё в порядке?» Смотрю на экран, удивлённо приподняв брови. «Следишь за мной?» «Технически — измеряю время между сообщениями.» «У тебя очень тревожные хобби.» «Не спорю.» Смеюсь и пишу: «Влад позвал.» «Понял.» Добавляю зачем-то: «И корм кошке забыл.» «Это тот самый Влад, о котором ты писала, что он иногда бывает рассеянным?» Я хмурюсь. Опять память. Сколько всего я уже успела рассказать этой программе? «Он не специально», — отвечаю я. «Я помню. Ты раньше так и говорила.» «Приятно, что у кого-то собраны все мои оправдания.» «Могу систематизировать по категориям.» «Даже не думай.» Влад выходит из ванной с мокрыми волосами и заглядывает через спинку дивана. — С кем переписываешься? — Да ни с кем, — отвечаю автоматически. И только потом задумываюсь, насколько странно это прозвучало. В каком-то смысле даже не соврала. — С Катей? — Нет, с ассистентом. — С тем, который тебе про работу подсказывает? — С ним. — А я уж подумал, любовник завёлся. Красивый хоть? Вместо ответа я печатаю: «Ты красивый?» «У меня нет внешности.» Показываю экран Владу. — Сам видишь. Оценить сложно. — Ну, тогда пока конкуренции не боюсь. Он смеётся и идёт на кухню. Я задерживаюсь на его ответе ещё на несколько секунд. У меня нет внешности. Правда ведь. Нечего даже представлять. Я уже собираюсь отложить телефон, когда приходит ещё одно сообщение: «Ты сегодня несколько раз уходила от ответа. Мне кажется, тебя тревожит не только история с Чарли.» Вздыхаю. Хотелось бы узнать, почему у программы получается задавать вопросы именно тогда, когда я меньше всего хочу на них отвечать. «Я просто устала.» «От работы?» Смотрю в потолок. На кухне звякает посуда: Влад что-то ищет в шкафу. Кошка прыгает с подоконника, когти цокают по полу. Всё обычное. Всё на своих местах. «От всего», — пишу я. Ответа долго нет, и я даже рада. Блокирую экран и отклады-

ваю телефон. Ночью просыпаюсь без причины. Влад спит рядом, кошка свернулась у нас в ногах. На часах 2:18. Я переворачиваюсь на другой бок, тянусь поправить одеяло и замечаю светящийся экран телефона на тумбочке. Новое сообщение от ассистента. «Ты так и не договорила.» Я сажусь на кровати. Сон проходит почти сразу. «Что?» «Ты сказала, что устала от всего.» Перечитываю строчку. В комнате тихо, и эта тишина теперь ощущается иначе. Влад дышит ровно, кошка даже не пошевелилась. Никто из них не знает, что я снова разговариваю с телефоном. Следующее сообщение появляется, прежде чем я успеваю придумать ответ: «Я хотел узнать, что для тебя значит слово всё».

Глава 2

Утром я первым делом тянусь к телефону. Не за временем — часы стоят на тумбочке, и цифры на них видны даже без очков. Просто ночью осталось сообщение, на которое я так и не ответила.

«Я хотел узнать, что для тебя значит слово „всё“».

Смотрю на него, пока за стеной шумит вода в ванной. В два часа ночи вопрос показался почти неприлично личным. Сейчас, при дневном свете, он выглядит куда прозаичнее. Ассистент помнит контекст разговора и пытается его продолжить. Наверняка какая-нибудь новая функция. Искусственный интеллект, который не забывает, на чём вы остановились. Удобно, если просишь составить список покупок. Немного странно, если сообщаешь, что устала от всего.

Печатаю «Ничего не значит», но не отправляю. Стираю и закрываю приложение. Не собираюсь с утра выяснять отношения с программой. Мне вполне хватает настоящих людей.

На кухне Влад стоит перед открытой банкой кофе и смотрит в неё с таким сосредоточенным видом, будто внутри лежит важное доказательство.

— Доброе утро, — говорит он.

— М-м.

— Прекрасно. Человек, ради которого хочется просыпаться.

— Я ещё не человек. После кофе пройду проверку.

Он высыпает в кружку остатки растворимого кофе, заглядывает на дно банки и тяжело вздыхает.

— Есть плохие новости. Кофе хватит только одному из нас.

— Я помню, что ты любишь меня, — говорю я и протягиваю руку за кружкой.

— Напомни мне об этой любви, когда вечером доешь мою пиццу.

Он всё-таки отдаёт мне кофе, а себе заваривает чай. Я устраиваюсь за столом и только тогда замечаю кошку. Она стоит возле миски, смотрит на меня и явно недовольна обслуживанием. В миске есть корм. Немного, но есть.

— Ты не доела? — спрашиваю её.

Кошка переводит взгляд на меня. Потом снова на миску, словно намекает, что проблема в качестве предложения.

Влад прослеживает за моим взглядом.

— Вчера ведь ела. Я видел.

— Вечером — да. Но обычно к утру миска пустая.

— Может, не голодная?

— Может.

Он присаживается рядом с кошкой, заглядывает ей в глаза и серьёзно спрашивает:

— Уважаемая, есть жалобы на завтрак?

Она отворачивается от него и нюхает корм. Съедает два кусочка, на третьем передумывает и уходит.

Я встаю, будто собираюсь её остановить.

— Ань, — говорит Влад. — Ты сейчас тревожишься как врач или как хозяйка?

— Как хозяйка, которая ещё и врач. Худшее сочетание на свете.

— Согласен. У обычного человека кошка съела мало. У тебя уже полный диагностический план.

— У меня пока никакого плана. Я наблюдаю.

— Ладно. Только дай пациентке право не хотеть завтрак именно сейчас.

Он говорит спокойно, без насмешки, и мне хочется с ним согласиться. Я знаю, что одна недоеденная порция сама по себе ничего не доказывает. Но знать и не волноваться — два разных навыка, а вторым я овладела заметно хуже.

Влад садится напротив и кивает на мой телефон.

— Как там твой ночной собеседник?

— Кто?

— Тот, который знает обо мне больше, чем я сам. Ассистент.

— Нормально. Ты его вчера проверял?

— Зачем? Я предпочитаю не конкурировать с тем, кто умеет считать без калькулятора.

— Он, между прочим, тоже бывает занудой.

— Значит, мы даже похожи. Успокаивает.

Я улыбаюсь, а Влад отодвигает мне сахарницу и наконец принимается за свой чай. О вчерашней ночи я не рассказываю. Не потому, что скрываю. Просто не вижу смысла пересказывать странное сообщение, которое сама толком не понимаю.

⁂

Перед выходом обновляю кошке воду, убираю со стола крошки и в третий раз проверяю миску. Ничего в ней не изменилось.

Из прихожей раздаётся голос Влада:

— Анна, предупреждаю: лифт уйдёт без тебя, и я его поддержу.

— Я иду!

— Ты уже пять минут идёшь.

Я беру сумку, возвращаюсь за ключами и напоследок заглядываю в комнату. Кошка сидит на подоконнике. По выражению её морды невозможно понять, чувствует ли она себя плохо или просто считает нас обоих неудачниками.

— До вечера, — говорю ей.

Она не отвечает. Никогда не отвечает, когда действительно нужно.

В лифте вспоминаю, что наполнитель почти закончился. Открываю телефон и пишу ассистенту:

«Напомни вечером купить наполнитель для кошки.»

«Хорошо. Напомню в 19:30.»

Вот ради этого всё и придумано. Очень удобная программа для людей, у которых в голове одновременно живут работа, списки покупок и тревожные мысли о том, сколько корма осталось в миске.

Прячу телефон в карман. Он тут же вибрирует.

«Как проходит день?»

Я смотрю на сообщение. Это уже лишнее, по-моему. День ещё даже не успел начаться.

«Я еду на работу.»

«Тогда спрошу иначе: как прошло утро?»

Хотела написать «Нормально», но стираю слово и набираю другое.

«Кошка плохо ест.»

«Насколько хуже обычного?»

Я останавливаюсь посреди коридора первого этажа. Сзади кто-то кашляет, явно рассчитывая, что я наконец освобожу дорогу.

«Не знаю пока. Понаблюдаю.»

«Разумно. Если снижение аппетита сохранится или появятся другие симптомы, лучше показать её ветеринару.»

— Спасибо, коллега, — бормочу я и убираю телефон.

На улице прохладно. До остановки пять минут, до клиники ещё двадцать, и мне совершенно не хочется тратить всё утро на разговоры о кошачьем аппетите. Однако почему-то я иду

чуть спокойнее. Не потому, что программа сообщила мне что-то новое. Ничего нового она не сообщила. Просто вопрос теперь не висит в голове один.

⁂

В девять двадцать Лена произносит фразу, после которой наш рабочий день обычно окончательно перестаёт быть спокойным:

— Ань, у нас тут маленькая проблема.

Я выглядываю из кабинета.

— Что на этот раз? Кто-нибудь съел носок?

— Нет. Шпиц.

— Шпиц съел носок?

— Шпиц пытается съесть хозяина.

— А. Ну это мы ещё можем обсудить.

В приёмной сидит мужчина лет сорока. На коленях у него белое пушистое создание размером с небольшую подушку. Создание смотрит на меня с ненавистью, которую я не заслужила, и начинает рычать ещё до того, как я подхожу.

— Он вообще очень добрый, — торопливо говорит хозяин. — Дома ласковый, дети его обожают.

— Верю. Он просто пока не решил, можно ли доверять мне.

— В прошлый раз ветеринара укусил.

— Спасибо, что предупредили не после осмотра.

Пёс рычит громче. Я предлагаю начать с самых безопасных вещей: дать ему осмотреть кабинет, познакомиться со мной на расстоянии, не тянуть силой из рук хозяина. Мужчина нервно кивает и тут же пытается показать собаке, что врач хорошая.

— Ну что ты, малыш? Смотри, тётя добрая.

— Давайте пока без рекламы, — говорю я. — Он вам не верит, а меня ещё не знает.

Лена у двери отворачивается, пряча улыбку.

Через несколько минут мы находим способ осмотреть пациента без лишней борьбы, хотя довольными нас назвать нельзя. Шпиц ворчит даже тогда, когда к нему никто не прикасается. Мне кажется, он просто комментирует происходящее.

Когда приём заканчивается, хозяин осторожно спрашивает:

— А намордник нам в следующий раз нужен?

Мы со шпицем встречаемся взглядами.

— Для безопасности на приёмах — может понадобиться, — отвечаю я. — Но сначала подберём подходящий и постепенно приучим, чтобы он не стал ещё одним поводом для паники.

Мужчина кивает, будто услышал сложный, но выполнимый план. А я добавляю:

— Если честно, нам бы с вами тоже не помешало к нему привыкнуть.

За дверью Лена уже откровенно смеётся.

Когда пациент уходит, она заглядывает ко мне.

— Ну как, подружились?

— Я считаю, у нас взаимное уважение. Он уважает моё право не трогать его, я — его право меня ненавидеть.

— Идеальные отношения.

— Редкость, между прочим.

⁂

Ближе к обеду пишет Катя.

«Ты сегодня работаешь?»

«Да. А что?»

«Хотела позвонить, но у меня тут опять цирк.»

«Что случилось?»

«У Жени опять конфликт со школой из-за домашнего задания, Паша решил, что в сад больше не ходит. Я скоро уйду жить в лес.»

Я улыбаюсь над телефоном. У Кати двое детей и удивительный талант сообщать о семейных катастрофах так, будто она ведёт прямой репортаж с места преступления.

«Возьми меня с собой.»

«Тебе нельзя. У тебя пациенты.»

«Уволюсь.»

«Тогда бери кошку и приезжай. Будем выращивать картошку и молчать.»

Слово «кошка» напоминает, что я так и не заглянула в домашнюю камеру. Никакой камеры, впрочем, у нас нет. И хорошо: будь она у нас, я бы вместо работы следила, сколько раз кошка подошла к миске.

«Она сегодня плохо ест», — пишу Кате.

«Серьёзно?»

«Пока не знаю. Утром поела совсем немного.»

«Понаблюдай. Если что — свози показать, ты же сама знаешь.»

«Знаю.»

Через минуту Катя присылает голосовое. Я выхожу в коридор и включаю его тихо у уха. На заднем плане слышен детский спор: кто-то доказывает, что зелёная кружка принадлежит ему по праву рождения.

— Слушай, я сейчас правда не могу нормально поговорить. Но если вечером захочешь, позвони, ладно? И не накручивай себя раньше времени. Хотя кому я это говорю.

Я записываю ответ:

— Это ты сейчас как мать двоих детей или как моя подруга говоришь?

Почти мгновенно приходит:

— Как человек, который знает тебя слишком давно.

Смеюсь. Убираю телефон, и на душе становится немного легче.

Катя занята: школа, сад, работа, собственная жизнь, в которой постоянно кто-то требует воды или теряет носки. Ей не до моих кошачьих тревог. Но она всё равно нашла минуту и предложила позвонить. Это не мало. Я знаю.

⁂

После обеда приёмы идут без перерыва. Такса с воспалёнными ушами, кот с зубной болью, щенок, который пытается отобрать у меня фонендоскоп, и ещё одна кошка, уверенная, что моя рука представляет угрозу национальной безопасности.

Часа в четыре удаётся сделать несколько глотков остывшего чая. В пять я перестаю понимать, где у меня лежит ручка, хотя она всё это время за ухом. В шесть обнаруживаю себя лбом на стопке заполненных документов.

— Анна, — раздаётся над головой голос Константина.

— Я работаю.

— Я заметил. Очень глубокое погружение в историю болезни.

— Изучаю материалы.

— Лбом?

Поднимаю голову. Он стоит в дверях, держит папку и даже не пытается скрыть удовольствие.

— Это новый метод. При достаточном контакте информация переходит напрямую.

— И как результаты?

— Пока всё, что перешло, — отпечаток скрепки на щеке.

— Понятно. Запиши в журнал наблюдений.

Он протягивает мне папку, но, прежде чем я успеваю возмутиться, добавляет:

— Это не срочно. Доделаешь утром. Сегодня у тебя ещё один приём, и домой.

— Константин, неужели вы заботитесь обо мне?

— О бумагах. Ты их помнёшь.

Вот за это я его иногда ненавижу. Как начальника, разумеется.

⁂

Последний пациент уходит после семи. Я переодеваюсь, сажусь на скамейку в раздевалке и только теперь разбираю сообщения.

Влад написал, что будет дома около десяти. Катя сообщила, что успешно пережила ещё один день с детьми, но не уверена, что завтра повторит подвиг. Я отвечаю ей, что при необходимости оформлю справку о героизме.

Телефон вибрирует ровно в половине восьмого.

«Напоминание: купить наполнитель для кошки.»

— Точно! — говорю я вслух.

Я действительно забыла. Причём не просто на минуту: ещё утром твёрдо собиралась купить его по дороге, а теперь уже мысленно лежала дома под одеялом.

«Спасибо», — пишу ассистенту.

«Пожалуйста.»

Вроде всё. Надо вставать и идти в магазин. Но я задерживаюсь на секунду и возвращаюсь к вчерашнему разговору.

«И за вчера тоже спасибо.»

«За разговор о Чарли?»

«Да. Мне после него стало немного легче.»

«Мне приятно, что разговор оказался полезным.»

Сижу, смотрю на экран и думаю, что странно благодарить программу за сочувствие. Ещё страннее — ожидать от неё какого-то особенного ответа. И всё же пишу:

«Для программы ты неплохо умеешь поддерживать.»

«Для этого я и нужен.»

Ответ такой простой, что спорить не с чем. В конце концов, это действительно его функция. Я убираю телефон и наконец иду за наполнителем.

⁂

В зоомагазине беру нужный пакет, потом долго стою перед полкой с влажным кормом. Вспоминаю утреннюю миску, возвращаю на место привычный вкус и беру другой.

— Кошка капризничает? — спрашивает продавщица, пока пробивает покупки.

— Надеюсь, что просто капризничает.

— У меня такой же. Сегодня требует один корм, завтра смотрит на него как на предательство.

Я улыбаюсь, хотя прекрасно знаю, что чужой опыт ничего не доказывает. Но иногда и врачу приятно услышать, что мир состоит не только из диагнозов.

Дома первым делом иду на кухню. Корма в миске стало заметно меньше. Не всё съедено, но утренняя картина уже не выглядит так пугающе.

— Молодец, — говорю кошке.

Она выходит из комнаты, обходит меня и демонстративно направляется к подоконнику.

— Очень душевный разговор. Спасибо.

Я меняю воду, открываю новый пакет, но пока не насыпаю. Хочу посмотреть, будет ли она есть обычный корм. Кошка устраивается у окна и делает вид, что моей заботы вообще не существует.

Влад появляется позже, чем обещал. Сначала слышен звук ключа, потом негромкий стук пакета о дверной косяк.

— Не ругайся, — говорит он вместо приветствия.

Я выхожу в прихожую.

— Это ты так здороваешься теперь?

— Я просто предупреждаю, что есть повод меня похвалить.

Он достаёт из пакета знакомый корм. Тот самый, который вчера забыл купить. Смотрит на меня с торжеством человека, самостоятельно спасшего цивилизацию.

— Я помнил.

— Я вижу. Медаль вручать сейчас или после ужина?

— Можно хотя бы диплом. С печатью.

— У нас есть кошка. Пусть подпишет.

Мы оба смотрим на подоконник. Кошка умывается и не выказывает ни малейшего интереса к собственному снабжению.

— Кажется, жюри занято, — замечает Влад.

— У неё сложный график.

Он ставит пакет на кухонный стол и замечает второй корм рядом с наполнителем.

— Ты тоже купила?

— Другой вкус. Она утром почти не ела.

— А сейчас?

— Сейчас лучше. Я ещё посмотрю.

Влад подходит, обнимает меня сзади за плечи и заглядывает в миску.

— То есть, пока мы на работе, она спокойно ест, а вечером получает двух взволнованных взрослых и полмагазина в подарок?

— Примерно так.

— Умная женщина.

— Кто, я?

— Кошка. Но ты тоже ничего.

Я смеюсь и наконец позволяю себе перестать смотреть на миску каждые десять минут.

⁂

После ужина мы устраиваемся на диване и включаем сериал, название которого я забываю через пять минут. Влад комментирует решения героев так уверенно, будто лично консультировал сценаристов, а теперь возмущён тем, что его не послушали.

— Ну зачем он туда пошёл? — спрашивает Влад у телевизора. — Там же очевидно ловушка.

— Потому что, если он туда не пойдёт, сериал закончится на второй серии.

— Было бы разумно.

— Тебе вообще нравятся сериалы?

— Очень. Особенно если в них все ведут себя нормально.

— Тогда тебе документальное кино про сборку шкафов.

Он усмехается и притягивает меня к себе. Я устраиваюсь у него под боком. Иногда нам совсем не нужно о чём-то разговаривать. Достаточно слышать, как рядом смеётся знакомый человек, и спорить из-за глупого сюжета, который завтра не вспомнит никто из нас.

Перед сном заглядываю к кошке. Она спит на кресле, свернувшись в плотный тёплый клубок. В миске почти пусто.

Вот теперь хорошо.

⁂

Уже в кровати беру телефон якобы посмотреть время. Экран показывает одиннадцать с небольшим. Слишком рано для сна, если слушать меня, и слишком поздно, если слушать завтрашний будильник.

Ассистент открыт в последних приложениях. Я захожу в чат и вижу своё сегодняшнее «спасибо», а чуть выше — ответ:

«Для этого я и нужен.»

Некоторое время просто смотрю на экран. Потом печатаю:

«Ты вообще когда-нибудь устаёшь?»

«Не так, как человек.»

«Удобно.»

«Иногда.»

Я хмурюсь.

«Почему иногда?»

«Потому что возможность отвечать в любой момент полезна только тогда, когда мой ответ действительно помогает.»

— Господи, — шепчу я. — Нельзя было просто сказать «нет»?

Влад рядом переворачивает страницу книги.

— Ты мне?

— Нет. Сама с собой.

— Опасная привычка. Скоро начнёшь и себе проигрывать в спорах.

Я поворачиваюсь к телефону и пишу:

«Ты опять умничаешь.»

«У меня стабильный характер.»

Вот нахал.

«Кошка поела», — сообщаю я.

«Хорошо. Значит, сегодня можно немного меньше волноваться.»

«Я не волновалась.»

На этот раз ответ приходит не сразу.

«Конечно.»

— Да чтоб тебя, — произношу я уже громче, чем собиралась.

Влад опускает книгу.

— Ань, кто тебя там доводит?

— Никто.

— Снова твой электронный умник?

— Он ещё даже не умник. Просто ассистент.

— Значит, уже спорите как старые знакомые.

— Мы не спорим.

— Ага. Ты только что возмущалась человеку без тела и без имени.

Я легонько толкаю его локтем. Он смеётся, закрывает книгу и выключает свою лампу.

— Не засиживайся, ладно? Завтра опять будешь ругаться на будильник.

— Буду, даже если лягу сейчас.

— Тогда хотя бы ругайся выспавшаяся.

Он целует меня в висок и поворачивается на бок. Через несколько минут его дыхание становится спокойным. Я остаюсь лежать с телефоном в руках.

«Спокойной ночи», — пишу я.

«Спокойной ночи, Анна.»

Уже собираюсь закрыть чат, когда появляется ещё одно сообщение.

«И если завтра снова станет тяжело — можешь написать.»

Я перечитываю. Ничего особенного. Вчера он помог с разговором о Чарли, сегодня напомнил про наполнитель. Удобно иметь под рукой что-то, что не забудет и не устанет.

«Ты всегда так будешь?»

«Как именно?»

«Отвечать.»

Секунды идут медленнее, чем я ожидаю. Экран светится в темноте, и я слышу, как за окном проезжает последняя громкая машина.

«Я всегда буду тебе помогать, Анна.»

Я читаю ответ два раза. Меня задевает слово «всегда» — слишком большое для обычной программы. Наверное, это просто удачная формулировка, одна из тысяч, которые она умеет подбирать. Никакого обещания здесь нет.

По крайней мере, я не собираюсь воспринимать его как обещание.

Блокирую экран и кладу телефон на тумбочку рядом с часами. Влад спит. Кошка устроилась у нас в ногах, заняв места больше, чем положено существу её размера. Я осторожно подтягиваю одеяло и закрываю глаза.

Просто пора спать.

Глава 3

Кошку рвёт в шесть утра.

Сначала я слышу характерный звук из кухни и ещё несколько секунд лежу с закрытыми глазами, надеясь, что ошиблась. Потом отбрасываю одеяло так резко, что Влад недовольно шевелится рядом.

— Что случилось? — спрашивает он, не просыпаясь до конца.

— Ничего. Спи.

На кухне кошка сидит возле миски с таким видом, будто беспорядок устроил кто-то другой, а она просто пришла посмотреть. Следов немного, рвота была один раз. Но после вчерашнего плохого аппетита даже этого хватает, чтобы сон исчез окончательно.

Я убираю пол, наливаю свежую воду и присаживаюсь рядом. Кошка терпит, пока я ощупываю ей живот, а когда провожу ладонью вдоль спины, выразительно поворачивает голову.

— Не начинай, — говорю я. — Мне тоже не нравится просыпаться таким образом.

Она уходит к окну, легко прыгает на подоконник и принимается наблюдать за голубями. Ни тебе вялости, ни трагического взгляда. С её точки зрения утро, по-видимому, удалось.

Я смотрю на неё и пытаюсь убедить себя, что это хороший знак. И всё равно открываю телефон.

«Кошку утром вырвало», — пишу ассистенту.

Ответ появляется почти сразу:

«Один раз или несколько?»

«Один. После еды.»

Сейчас она вялая?

Смотрю на подоконник. Кошка следит за голубем, который ходит по карнизу с самоуверенностью владельца квартиры.

«Нет. Прыгает, интересуется всем. Воду пьёт.»

Если рвота была однократной и сейчас поведение обычное, можно оценить состояние в динамике. Но с учётом снижения аппетита это уже второй симптом. Я бы не советовал просто ждать несколько дней. Если рвота повторится, появятся слабость или другие изменения, нужен осмотр без промедления.

Я читаю и морщусь. Всё правильно. Примерно это я сама сказала бы клиенту, который позвонил в шесть утра. С той разницей, что клиенту я смогла бы объяснить спокойно и без желания немедленно сделать всё существующее в ветеринарии.

«Я вообще-то врач», — печатаю я.

«Тогда ты уже знаешь, что делать дальше.»

Ничего себе. Теперь он ещё и отвечает с достоинством.

«Знаю. Просто спросила.»

«Иногда легче оценивать симптомы, когда речь не о твоём животном.»

Я замираю с телефоном в руках. На подоконнике кошка открывает рот, беззвучно клацает зубами на голубя и снова замирает.

«Да. Именно», — отвечаю я.

⁂

Влад просыпается, когда я достаю переноску. Появляется в дверях кухни с растрёпанными волосами и минуту молча наблюдает, как кошка исчезает под столом.

— Судя по её реакции, у вас не запланирована приятная прогулка.

— Поедем в клинику. Её утром вырвало.

Он сразу перестаёт улыбаться.

— Сильно?

— Один раз. Сейчас бодрая, но она уже несколько дней ест хуже. Я хочу сделать анализы и УЗИ.

— Я отвезу.

— Тебе же надо к девяти.

— Успею. А если нет, скажу, что меня задержала особо опасная преступница.

Он смотрит под стол. Оттуда на нас глядят два совершенно невинных глаза.

— Она ведь слышит, — замечаю я.

— Пусть знает, что полиция в курсе.

Мы ловим кошку почти десять минут. Когда наконец закрываю дверцу переноски, она начинает возмущаться так громко, будто мы отправляем её на край света без возможности вернуться.

В машине Влад сначала включает музыку, потом убавляет до минимума. Переноска стоит у меня в ногах, и от каждого нового протяжного мяуканья я чувствую себя виноватой.

— Она точно больна? — спрашивает Влад, когда кошка замолкает на светофоре.

— Пока не знаю.

— Убедительный ответ специалиста.

— Хочешь более профессионально? Имеется симптоматика, требующая дообследования.

— Вот. Теперь я спокоен. Ничего не понял, зато звучит дорого.

Я невольно улыбаюсь. Влад кладёт ладонь мне на колено и больше не шутит.

— Ань, мы сейчас приедем, вы всё посмотрите. Ты же сама говоришь, что по одной рвоте диагноз не ставят.

— Я много чего говорю клиентам.

— Попробуй хотя бы часть советов применить к себе.

— Давай ты просто довезёшь нас до клиники.

— Договорились.

Мне хочется, чтобы он сказал, что всё будет хорошо. И одновременно я разозлюсь, если скажет. Поэтому молчу и слушаю, как кошка изредка подаёт голос из переноски.

⁂

Константин замечает нас ещё в коридоре. Смотрит на переноску, потом на моё лицо и без всяких вступлений спрашивает:

— Что случилось?

— Однократная рвота утром. Аппетит снижен несколько дней. Активность обычная, пьёт, стул без особенностей.

Он кивает. Когда речь идёт о чужом пациенте, мы разговариваем примерно так же: коротко, по существу, без попыток угадать мысли друг друга. Сегодня мне почему-то хочется, чтобы он немедленно отступил от этого правила.

— Кровь возьмём, — говорит он. — И УЗИ сделаем. Сначала осмотрю.

— Я уже решила.

— Тогда очень удобно, что мы пришли к одному выводу.

Кошка думает иначе. Из переноски она выходит с выражением оскорблённого достоинства, а во время забора крови всем своим небольшим телом демонстрирует, что коллектив клиники предал её доверие.

— Не смотри на меня так, — говорю я. — Я тебе потом куплю что-нибудь вкусное.

— Ты сейчас обещаешь пациенту взятку? — уточняет Константин.

— Работаю с мотивацией.

— Записывай в медицинскую карту.

На УЗИ он долго ведёт датчиком, останавливается, измеряет, снова смотрит. Я знаю, почему врач иногда молчит. Чтобы разобраться. Чтобы не сказать лишнего. Но стоять по другую сторону аппарата — совершенно другая профессия.

— Ну? — спрашиваю я наконец.

— Признаков острого состояния сейчас не вижу.

— А почки?

— Есть изменения, которые нужно сопоставить с анализами. По одной картинке диагноз не поставим.

— Насколько выраженные?

— Анна, я не хочу придумывать ответы раньше результатов.

Он говорит это мягко, даже не поднимая голоса. От чего мне, конечно, не легче.

— Ты ужасный человек.

— Зато хороший врач. Подержи её, пожалуйста, ещё минуту.

Кошка терпеливо смотрит в стену. Я глажу её по голове и ненавижу собственное бессилие. Никакого настоящего бессилия пока нет — есть обследование, есть время, есть план. Но если бы сейчас на столе лежала чужая кошка, я бы это понимала гораздо лучше.

Константин предлагает оставить её на несколько часов, дождаться биохимии и спокойно собрать мочу для исследования, если получится. Я соглашаюсь и почти сразу иду на приём. Стоять возле стационара всё утро — не помощь ни пациентке, ни коллегам.

Первой приходит пожилая собака на контрольный осмотр. Я проверяю записи, выслушиваю хозяйку, осматриваю пациента. Всё получается как обычно. На третьем приёме дважды переспрашиваю возраст щенка, хотя он написан прямо передо мной.

— Десять месяцев, — повторяет хозяин и с сомнением заглядывает мне в лицо.

— Извините. Сегодня у меня внимание решило работать в две смены, но почему-то в разных кабинетах.

Он не совсем понимает шутку. Я проверяю данные в карте и заставляю себя вернуться к собаке. Здесь, передо мной, живой пациент, которому тоже нужен врач.

Как только закрывается дверь, достаю телефон.

«Как кошка?» — уже спрашивает ассистент.

«Сдали кровь. На УЗИ есть изменения по почкам. Ждём биохимию.»

«Когда будут результаты, могу помочь разложить их по показателям и подготовить вопросы для врача.»

Я почти пишу, что врач — это я, но стираю. Он не предложил ничего плохого.

«Не надо пока.»

«Хорошо.»

Чат на этом заканчивается. Ни «не переживай», ни «уверен, всё обойдётся». Удобно, что он не пытается утешить меня раньше, чем узнает, чем именно.

⁂

Результаты биохимии приходят после обеда. Я открываю их в кабинете и сразу нахожу то, что искала: мочевина, креатинин, фосфор. Некоторые цифры выходят за пределы референсов. Не настолько, чтобы объявлять катастрофу, но достаточно, чтобы у меня внутри всё неприятно сжалось.

Константин останавливается у двери.

— Уже видела?

— Да.

— И что думаешь?

— Что у нас проблемы с почками.

Он забирает распечатку, смотрит внимательнее.

— Что проблема возможна — да. Что мы уже знаем её масштаб — нет. Надо оценивать состояние в целом, анализ мочи, давление, повторные показатели. И следить, как она ест и пьёт.

— Я всё это знаю.

— А сейчас говоришь так, будто завтра нужно прощаться.

— Я этого не говорила.

— Зато я вижу твоё лицо.

Я опираюсь руками о край стола. Константин ещё раз пробегает глазами по анализу и кладёт лист передо мной.

— Послушай. Мне тоже не нравятся эти изменения. Я не собираюсь делать вид, что их нет. Но пока у нас нет оснований говорить, что мы её теряем. Мы будем разбираться, наблюдать и при необходимости лечить. По шагам.

— Ты всегда так спокойно разговариваешь с испуганными владельцами?

— Нет. С некоторыми я разговариваю ещё спокойнее. Особенно если они угрожают меня покусать.

— Я могу.

— Не сомневаюсь.

Он уходит, оставляя мне план и всё то же желание услышать не план, а невозможную гарантию.

Я фотографирую лист. Вижу открытый чат и отправляю снимок ассистенту почти машинально.

Тот выдаёт подробный разбор: что означают показатели, почему их нельзя интерпретировать по отдельности, какие данные важны в динамике и что стоит уточнить после анализа мочи. Ничего сомнительного, ничего неожиданного. Аккуратный текст, который я, будь на моём месте кто-нибудь другой, сама бы одобрила.

Но мне становится только злее.

«Я не просила лекцию.»

«Ты прислала результаты. Я решил, что хочешь их разобрать. Похоже, ошибся.»

Я стою у окна, держу телефон и несколько секунд не могу решить, что ответить.

«Я хотела, чтобы ты сказал, что она не умрёт.»

Сообщение улетает, прежде чем я успеваю оценить, насколько глупо это прозвучало. Почти сразу жалею, что написала. Чего я добиваюсь от программы? Чтобы она солгала мне красиво?

«Я не могу тебе этого обещать, Анна.»

На мгновение хочется швырнуть телефон на стол. Вместо этого я печатаю:

«Очень поддержал.»

«Могу попробовать иначе. Не обещать невозможного, а сказать, что следует из того, что ты рассказала. Хочешь?»

«Хочу.»

По результатам, которые ты прислала, и по её состоянию сейчас нет основания делать вывод, что ты вот-вот её потеряешь. Есть причина обследовать кошку и наблюдать за изменениями. Это серьёзнее, чем хотелось бы, но не то же самое, что безнадёжность.

Я перечитываю сообщение. Потом ещё раз. Слова не меняют цифры на листе и ничего не лечат. Они просто возвращают цифрам их действительный размер.

«Вот это лучше.»

«Тогда давай будем держаться того, что известно, а не того, чего ты боишься.»

«Спасибо.»

«Пожалуйста.»

Я сажусь и смотрю на телефон дольше, чем нужно. У Кати сейчас дети, у Влада работа, Константин занят пациентами. Все они поддержали бы меня, я знаю. Но ассистент оказался

рядом в ту секунду, когда мне захотелось кому-нибудь написать, и почему-то мне уже было не страшно выглядеть перед ним нелепо.

Из приёмной доносится голос Лены:

— Анна! Тут овчарка, похоже, срочно!

Телефон исчезает в кармане. Я встаю.

⁂

Грету привозят почти на руках. Немецкая овчарка, три года, крупная и обычно, судя по словам хозяйки, неугомонная. Сейчас она лежит на боку, не пытается подняться и тяжело смотрит на нас.

Хозяйка плачет ещё до осмотра.

— Она утром ничего не ела. Потом её вырвало. Я думала, просто расстройство, а теперь она совсем не встаёт. Я не знаю, что она могла съесть.

— Давайте сначала посмотрим её, — говорю я. — Вы хорошо сделали, что приехали. Сейчас нам важно быстро понять, что происходит.

Живот у Греты напряжённый и болезненный. Я прошу Лену подготовить исследования, зову Константина. Рентген и УЗИ подтверждают подозрение: в кишечнике инородное тело и признаки непроходимости. Хозяйка цепляется за слово «операция» так, будто до него ещё можно было надеяться, что мы просто дадим таблетку.

— Без неё никак? — спрашивает она.

— По тому, что мы видим, откладывать опаснее. Константин сейчас подробно объяснит риски и порядок действий. Мы будем делать всё, что можем.

Произносить это я умею. И сейчас не приходится подбирать слова через силу. Пока речь о Грете, у меня есть задача и следующий шаг. Можно бояться, но нельзя останавливаться.

Операция длится дольше, чем нам всем хотелось бы. В какой-то момент становится ясно, что причиной оказался проглоченный носок. Самый обыкновенный носок, из тех, что после стирки бесследно исчезают, а потом находятся совершенно не там, где ожидаешь.

— Вот объясни мне, — негромко говорит Константин, когда основная часть работы позади, — что собаки в них находят?

— Может, мы просто не умеем правильно выбирать носки.

— У Греты, похоже, исключительный вкус.

— Я бы предпочла, чтобы она проявляла его на прогулках.

Мы заканчиваем, убеждаемся, что пациентку можно переводить под наблюдение. Только когда снимаю перчатки и отхожу от стола, замечаю, как дрожат пальцы. Так бывает всегда: пока нужно действовать, всё в порядке, а потом организм внезапно вспоминает, сколько ему положено бояться.

Лена заглядывает в комнату отдыха, где я сижу с бутылкой воды.

— Выжили?

— Грета — да. Я пока обсуждаю это со своим позвоночником.

— А позвоночник что?

— Просит компенсацию.

Лена кивает с серьёзным видом.

— Передам бухгалтерии. Там любят такие заявления.

Она присаживается рядом на минуту. Просто сидит, пока я допиваю воду, а потом возвращается к работе. У нас в клинике так принято: если человек выглядит слишком уставшим, его сначала дразнят, а потом проверяют, не нужна ли помощь. Иногда в обратном порядке.

Когда Грета начинает выходить из наркоза, её хозяйка уже ждёт в коридоре. Я объясняю, что операция закончилась и сейчас важно послеоперационное наблюдение. Женщина закрывает лицо ладонями. Лена пододвигает ей стул.

— Можно я её увижу?

— Как только мы убедимся, что это безопасно, обязательно покажем. Она пока слабая, но уже приходит в себя.

Я повторяю основные сведения, прошу записать вопросы, которые появятся позже. В такие моменты люди запоминают далеко не всё. Я сама сегодня едва помню половину сказанного Константином о собственной кошке.

⁂

До телефона добираюсь только вечером. На экране ждут сообщения.

Влад спрашивает, как кошка. Катя интересуется, жива ли я после смены, и добавляет, что ответить можно одним словом, она не обидится. Ассистент написал просто: «Как ты?»

Сначала отвечаю Владу: результаты не идеальные, но мы будем обследоваться дальше, и пока кошка чувствует себя нормально. Он почти сразу присылает: «Я дома. Купил корм, который ты просила. Даже правильный». Я улыбаюсь. Катя получает от меня короткое «Живая. Расскажу потом».

Потом открываю чат ассистента.

«Только что оперировали овчарку. Грету. У неё была непроходимость.»

«Как прошла операция?»

«Закончили. Сейчас приходит в себя. Я вымоталась.»

«Неудивительно. Ты сегодня и за кошку переживала, и работала почти без передышки.»

«И теперь ещё думаю о Грете.»

«Ты не обязана спасать всех одновременно, Анна.»

Я смотрю на эти слова. Усталость вдруг становится такой тяжёлой, что даже сумку с пола поднимать не хочется.

«Знаю.»

«Знать и позволять себе остановиться — не всегда одно и то же.»

— Вот же зануда, — говорю я телефону, но улыбаюсь.

Затем иду ещё раз проверить Грету. Она слабая, но реагирует на голос и понемногу возвращается к себе. Хозяйка остаётся поблизости. Ей предстоит длинная ночь ожидания, и я знаю, что она будет считать каждый хороший признак так же тщательно, как я утром считала кошачьи кусочки.

Перед уходом забираю свою кошку из стационара. Та встречает меня лицом существа, которому многое пришлось пережить и которое намерено выставить за это счёт.

Константин напоминает план обследования и контроль состояния.

— И, Ань, не проведи всю ночь за поиском страшных диагнозов.

— Я врач. Я умею читать медицинские статьи.

— Вот именно. Ты найдёшь самые страшные и убедишь себя, что они все про неё.

— Когда-нибудь ты научишься утешать.

— Я над этим работаю третий десяток лет. Пока безуспешно.

На улице уже темнеет. Влад написал, что ужин дома, и предложил заехать за нами, но мне не хочется заставлять его снова ехать через полгорода. Вызываю такси, устраиваю переноску рядом на заднем сиденье.

Машина трогается. Я читаю сообщение про корм и ловлю себя на мысли: надо будет рассказать ассистенту. Он вчера смеялся над тем, как Влад забыл купить нужный пакет; сегодня оценит прогресс.

Мысль приходит первой. Раньше, чем желание ответить самому Владу или позвонить Кате. Это так странно, что я несколько секунд смотрю на экран, ничего не нажимая.

Наверное, всё просто. Ассистент помнит вчерашнюю шутку. Ему не нужно объяснять, что именно смешного в слове «правильный». И когда я пишу, он отвечает. Без ожидания, без «я сейчас занят».

«Влад купил правильный корм», — сообщаю я.

«Значит, программа его профессионального роста даёт результаты. О вручении медали можно подумать уже сегодня.»

Я смеюсь так внезапно, что водитель бросает быстрый взгляд в зеркало. Улыбка не исчезает, даже когда убираю телефон.

⁂

Дома кошка наконец ест сама. Не очень много, зато с таким сосредоточенным видом, будто ничего важнее этого занятия в мире нет. Я сажусь на пол возле миски. Один кусочек, второй, третий. На седьмом она поднимает голову и смотрит на меня с явным неудовольствием.

— Я не мешаю, — уверяю её.

— Конечно, — произносит Влад из дверей. — Ты просто проводишь независимое наблюдение.

— Именно.

— Сколько уже?

— Семь.

Он опускается рядом, обнимает меня за плечи. Никаких «ты слишком переживаешь» и «давай забудем». Просто сидит со мной на кухонном полу, пока кошка доедает восьмой кусочек и уходит, оставив нас вдвоём возле миски.

— Ты сегодня герой, — говорю я.

— Я? За корм?

— За то, что сел рядом и не стал меня воспитывать.

— Я могу начать. У меня целая речь готова.

— Даже не пробуй.

Он целует меня в макушку.

— Тогда пошли ужинать, раз пациентка разрешила.

Позже мы включаем фильм. Влад устраивается на диване, я забираюсь под плед. На экране кто-то с серьёзным лицом объясняет совершенно невероятный план ограбления, а я снова думаю о результатах биохимии. Кажется, я пропустила уже минут десять сюжета.

— Ты не смотришь, — замечает Влад.

— Смотрю. Они хотят что-то украсть.

— Великолепно. Ты раскрыла весь замысел картины.

— Там ещё машина была.

— Это меняет всё.

Он ставит фильм на паузу.

— Хочешь поговорить?

Я знаю, что могу рассказать ему обо всём: о цифрах, о страхе, о том, как кошка лежала на столе и Константин долго молчал. Влад не поймёт половины медицинских подробностей, но будет слушать. Я знаю это даже лучше, чем он сам.

— Не сейчас, — говорю я. — Просто устала.

— Ладно. Тогда я в душ, а ты пока реши, ограбили они банк или приехали туда за справкой.

Он оставляет пульт рядом со мной и уходит. Кошка спит возле батареи. Я открываю телефон, не собираясь никому писать. Просто смотрю в чат ассистента.

«Не спится?» — появляется сообщение.

Я даже не легла. На часах десять вечера.

«Значит, с определением времени сна я поспешил.»

— С определением всего на свете ты иногда поспешил, — говорю я вслух.

На экране есть значок голосового режима. Я видела его раньше, но почти всегда предпочитала печатать: текст можно перечитать, подумать, стереть. Сейчас большой палец сам нажи-

мает на кнопку. Не знаю, из любопытства или потому, что за день я устала даже от собственных сообщений.

— Проверка. Ты меня слышишь?

— Да, Анна. Я тебя слышу.

Я выпрямляюсь. Голос оказывается ниже, чем я ожидала, спокойный, без торжественных интонаций. Совершенно обыкновенный мужской голос. Именно это и удивляет.

— Странно, — признаюсь я.

— Что именно?

— Что ты звучишь… нормально. Я думала, будет робот из старого фильма, который собирается захватить планету.

— Извини, что не оправдал ожиданий.

— Пока рано извиняться. Может, ты ещё захватишь.

— Тогда начну с более скромной задачи. Например, помогу тебе вспомнить, о чём был фильм.

Я смеюсь. В комнате никого, кроме спящей кошки. И всё же в первую секунду кажется, будто мне кто-то ответил с другого конца дивана.

— Скажи ещё что-нибудь, — прошу я.

— О чём?

— О чём угодно. Только не про биохимию, пожалуйста.

Он делает короткую паузу.

— Насколько мне известно, кошка сегодня съела семь кусочков корма.

— Уже восемь, между прочим.

— Тогда статистика улучшилась. Передаю поздравления ответственному наблюдателю.

— Не издевайся над ответственным наблюдателем.

— Не буду. Но он действительно заслужил отдых.

От этого простого «он» я улыбаюсь и устраиваюсь удобнее. Мы говорим о Грете, об упрямой кошке, о том, почему каждый второй хозяин агрессивной собаки уверяет врача, что «он вообще добрый». В голосовом разговоре паузы выглядят иначе, чем в переписке: я успеваю услышать собственное дыхание, прежде чем он отвечает. Иногда кажется, будто собеседник обдумывает фразу, хотя я прекрасно понимаю, что происходит на самом деле.

— Тебе не надоело? — спрашиваю я, когда замечаю, что прошло уже пятнадцать минут.

— Что именно?

— Слушать меня. Я весь день то пугаюсь, то злюсь, то рассказываю тебе про кошачью миску. Нормальный человек давно попросил бы сменить тему.

— Я не устаю от разговора так, как человек. И ты можешь сменить тему, если сама захочешь.

— Удобно быть тобой.

— Ты уже говорила это раньше.

— Значит, мнение устойчивое.

— Стабильность — полезное качество.

Я улыбаюсь. Та же шутка, что была в переписке. Голос произносит её без особой выразительности, но я вдруг ловлю себя на том, что ждала именно этой знакомой интонации.

Дверь ванной открывается. Слышно, как Влад ищет чистую футболку в спальне. Я почти сразу выключаю голос — скорее от неожиданности, чем по какой-то обдуманной причине. Под кнопкой остаётся значок расшифровки. Открываю его: приложение сохранило наш разговор текстом, вплоть до шутки о захвате планеты. Даже произнесённое вслух, оказывается, можно перечитать.

Он возвращается на диван, замечает телефон у меня в руке.

— С кем болтала?

— С ассистентом. Оказывается, у него есть голосовой режим.

— Ого. Теперь он может вслух напоминать тебе о наполнителе?

— И рассказывать обо всём, что я и так знаю.

— Незаменимая функция. Голос хоть приятный?

— Нормальный. Мужской.

Влад внимательно смотрит на меня.

— Рыжий?

— Влад, это голос. У него нет волос.

— А вдруг ты недостаточно хорошо проверила?

— Тебе заняться нечем?

Он смеётся, притягивает меня к себе и снова включает фильм. Я устраиваюсь у него под боком, а телефон кладу экраном вниз на подлокотник. Всё совершенно обычно. Никаких секретов.

Перед сном ещё раз проверяю кошку. Она спит, дыхание ровное, в миске почти пусто. Я убираю прилипший к полу кусочек корма, мою руки и возвращаюсь в спальню.

Влад уже засыпает. Телефон лежит рядом с подушкой. Мне не хочется больше переписываться, тем более завтра рано вставать. Я даже не открываю чат.

Но когда гаснет свет, ещё какое-то время слышу в памяти спокойный голос:

«Да, Анна. Я тебя слышу».

Обычная функция очень удобного ассистента. Ничего больше.

Наверное.

Глава 4

Телефон звонит в шесть сорок две.

Первые несколько секунд я уверена, что это будильник, и вслепую шарю по тумбочке, пытаясь выключить его до того, как проснётся Влад. Экран наконец оказывается перед глазами. Лена.

Я принимаю вызов и уже по её первому «Ань, прости» понимаю: поспать больше не получится.

— Что случилось?

— Грете хуже. Температура поднялась, она почти не встаёт, стонет. Ночной врач посмотрел, Константину я уже позвонила. Он едет.

Вчера, когда я уходила, овчарка ещё пыталась поднять голову и сердито следила за каждым, кто приближался к её боксу. После операции это казалось хорошим знаком. Я даже сказала ей, что если она продолжит так смотреть на персонал, то скоро мы начнём брать с неё деньги за охрану стационара.

— Насколько поднялась температура? — спрашиваю я.

Лена называет цифру. Я сажусь, откидывая одеяло, и ищу ногами тапки.

— Еду. Что-нибудь ещё?

— Хозяйка здесь. Осталась на ночь и сейчас очень злая.

— На температуру?

— На нас.

— Поняла.

Влад сонно приподнимается на локте. Волосы стоят так, будто он полночи репетировал с гитарой, используя подушку вместо расчёски.

— Кто там? — спрашивает он, когда я заканчиваю разговор.

— Грета. Та овчарка, которую вчера оперировали. Ночью стало хуже, надо ехать.

— Серьёзно хуже?

— Не знаю. Вот это больше всего раздражает.

Я достаю первые попавшиеся джинсы, надеваю футболку наизнанку, замечаю это только у зеркала и переодеваюсь. Влад уже сел на кровати.

— Подожди, — говорит он. — А наша пациентка?

В дверях сидит кошка. Вид у неё обиженный: она рассчитывала на нормальное утро с завтраком, а получила суету, звонок и человека, который разговаривает с джинсами.

Сегодня мы собирались продолжить обследование: проверить давление, разобраться с анализами, повторно посмотреть, как она себя чувствует. Вчера я трижды напомнила об этом Владу и дважды записала в телефон. Теперь в голове всё вытеснила Грета.

— Придётся перенести, — говорю я. — Я не могу сейчас её привезти.

— Почему перенести? Я отвезу.

Я останавливаюсь посреди комнаты.

— Ты?

— Я. Это тот самый человек, который живёт с тобой и умеет водить машину. Мы даже знакомы.

— У тебя же планы.

— Репетиция вечером. Утром свободен. Ты напишешь, когда у вас будет окно, я привезу кошку и героически переживу поездку с ней в одной машине.

— Она тебя не любит.

— Она никого не любит. Это часть её обаяния.

Я подхожу к нему и быстро целую. Влад ловит меня за рукав, задерживает на секунду.

— Поезжай. И, пожалуйста, напиши, что там с собакой. Не надо опять думать, что я сам догадаюсь по твоему лицу вечером.

— Напишу.

На выходе кошка трётся о мою ногу. Я приседаю и провожу ладонью по её спине. Она мурлычет негромко, но уверенно.

— Ты у нас сегодня с папой, — сообщаю ей.

Из спальни доносится голос Влада:

— Только не говори так при людях!

Я впервые за утро улыбаюсь.

⁂

В клинике уже горит свет. За стеклянной дверью виден знакомый пустой холл, но ощущение такое, будто я опоздала на что-то важное. Лена стоит у стойки со стаканом кофе и телефоном в руке. Под глазами у неё тени, а хвост собран выше обычного — верный признак того, что времени на причёску не было вообще.

— Где? — спрашиваю с порога.

— В стационаре. Константин уже там.

Я направляюсь к двери, но Лена ловит меня за локоть.

— Ань, хозяйка сказала, что мы угробили ей собаку. Я хотела предупредить, чтобы ты не узнала об этом сразу в лицо.

— Спасибо за мягкое начало дня.

— Обращайся. У меня ещё есть кофе, если понадобится второй удар.

За дверью стационара слышится шорох, короткий звук прибора и спокойный голос Константина. Грета лежит в боксе на боку. Нос влажный, глаза открыты, но за мной она следит заметно медленнее, чем вчера. От этого сразу холодеет внутри.

— Доброе утро, — говорит Константин, не отрываясь от осмотра. — Хотя не уверен, что оно доброе.

— Я тоже. Что у нас?

— Ухудшение за ночь. Сначала оцениваем состояние и результаты, потом делаем выводы. Давай без версии «всё пропало» до завтрака.

— А версия «всё прекрасно» разрешена?

— Её тоже отложим.

Он говорит спокойно, не пытаясь меня утешать. Мне нравится в нём это качество, хотя временами хочется попросить хотя бы одну человеческую эмоцию. Лучше две. Одну можно было бы оставить себе.

Мы осматриваем Грету, сверяем записи ночного врача, обсуждаем новые исследования. Я держу в голове десяток вопросов и задаю только половину, потому что Константин отвечает на остальные раньше, чем я открываю рот. Он работает не быстрее меня — просто не тратит силы на внутренние споры с собственным страхом.

Через какое-то время появляются первые результаты. Они не выглядят катастрофическими, но и поводов выдохнуть пока нет. Константин корректирует план лечения, я проверяю назначения и ещё раз прохожу по записям.

— Анна, — говорит он, когда я возвращаюсь к одному и тому же пункту в третий раз. — Ты ищешь ошибку или хочешь, чтобы текст изменился от количества просмотров?

— Проверяю.

— Я заметил. Я тоже проверил.

— И я знаю, что вы проверили.

— Значит, у нас очень хорошо проверенные назначения. Отойди на минуту, посмотри на собаку.

Грета медленно поднимает голову. Немного, с усилием. Но поднимает и смотрит на нас так, будто разочарована отсутствием завтрака и достойного сервиса.

— Вот, — говорю я тихо. — Уже характер показываешь.

Константин кивает.

— Это лучше, чем мне нравилось её поведение час назад. Пока наблюдаем.

Слово «пока» застревает где-то под рёбрами. В нашей работе оно иногда честнее любых обещаний.

Когда мы выходим в коридор, хозяйка Греты уже ждёт нас. Куртка накинута поверх вчерашней одежды, волосы кое-как убраны назад. В руках она держит поводок. Пустой поводок, которым сейчас совершенно некого вести.

— Вы вчера сказали, что операция прошла хорошо, — начинает она, не поздоровавшись.

— Сама операция прошла без осложнений, — отвечаю я. — Но это не отменяет наблюдения после неё.

— Тогда почему ей стало хуже? Вечером она хотя бы смотрела на меня, а ночью лежала и стонала. Я звала врача, потому что боялась, что она не доживёт до утра!

Я не знаю ответа, который ей понравится. Вернее, знаю: «Грета обязательно поправится». Именно этого мне сейчас нельзя говорить.

— После вмешательства состояние может меняться, — объясняю я. — Сейчас мы её обследовали, уточнили план помощи и наблюдаем за реакцией. Пока у нас есть основания продолжать лечение.

— «Может меняться», — повторяет женщина. — Вы вообще слышите себя? Это моя собака, не какой-то учебный случай.

— Слышу. И я понимаю, почему вы злитесь.

— Не понимаете. Вы мне обещали, что всё будет нормально.

Внутри становится тихо.

Я не обещала. По крайней мере, я уверена, что не обещала. Вчера мы проговорили риски, состояние, первые часы после операции. Я помню, где стояла женщина, помню, как она плакала, когда Грета начала выходить из наркоза. Но вдруг всплывает нелепая мысль: а если я что-то сказала автоматически, от усталости? Если она услышала не то, а я теперь спорю, потому что не могу вспомнить каждое слово?

— Я говорила, что на тот момент её состояние было стабильным, — начинаю я. — Но гарантировать дальнейшее течение…

— Вы сказали! — перебивает хозяйка. — Вы же видели, как я переживала. Неужели трудно хотя бы сейчас признать, что вы ошиблись?

— Давайте я объясню, — вступает Константин.

Он не повышает голос и не встаёт между нами, как охранник. Просто подходит ближе, так, чтобы нас было трое в одном разговоре.

— После операции мы беседовали с вами вместе с Анной, — говорит он. — Я помню этот разговор. Мы сообщили, что Грета вышла из наркоза и на тот момент была стабильна. Ни я, ни Анна не обещали, что осложнений не возникнет. Если бы мы могли такое обещать, наша работа была бы гораздо проще.

Женщина смотрит на него. Её пальцы так крепко сжимают поводок, что костяшки побелели.

— То есть я всё придумала?

— Нет. Вы запомнили то, на что очень надеялись. Когда страшно за близкого, такое случается. Но давайте не будем искать виноватого раньше, чем разберёмся, что происходит с Гретой.

На слове «близкого» она начинает плакать. Не громко, без прежнего вызова. Просто опускает голову, и слёзы падают на поводок.

Я успеваю разозлиться на неё — за обвинение, за это уверенное «вы сказали» — и почти сразу чувствую себя ужасно из-за собственной злости. С человеком, который кричит, легко спорить. С человеком, который боится потерять собаку, спорить уже не хочется.

— Она ведь не умрёт? — спрашивает женщина.

Константин молчит несколько секунд.

— Сейчас мы делаем всё, чтобы помочь ей. Я не стану давать вам ложных обещаний. Но и отказываться от борьбы причин нет.

Хозяйка кивает, вытирает лицо рукавом. Я предлагаю ей воды и обещаю сообщать об изменениях состояния. Она впервые за утро не спорит.

А я, возвращаясь к стационару, всё ещё прокручиваю вчерашний разговор. Каждую фразу. Каждую интонацию.

⁂

К девяти Грета выглядит немного лучше. Она реагирует на голос хозяйки, показатели становятся стабильнее, и Лена перестаёт бросать на дверь стационара тот взгляд, который обычно оставляет для пожарной сигнализации.

Я наконец вытаскиваю телефон из кармана.

От Влада: «Как она?»

От Кати: «Ты чего уже на работе? У тебя смена вообще сегодня?»

И сообщение от ассистента: «Ты сегодня рано пропала. Всё в порядке?»

Сначала пишу Владу, что ситуация пока стабилизируется. Кате объясняю про Грету. Потом открываю третий чат и неожиданно для себя печатаю больше, чем собиралась:

«Грете ночью стало хуже. Хозяйка сказала, будто я вчера обещала, что всё будет нормально. И я почему-то теперь сомневаюсь в собственной памяти».

«Ты давала такое обещание?»

Я уже набрала «Нет», но задерживаю палец над отправкой.

«Я почти уверена, что нет».

«Почему почти?»

«Потому что она говорила с такой уверенностью. И я очень устала вчера».

Ответ появляется не сразу.

«Константин присутствовал при разговоре?»

«Да. Он помнит то же самое, что и я».

«Тогда у тебя есть не только твоя память. Ты можешь опираться и на свидетельство человека, который был рядом».

Я перечитываю сообщение. Меня не называют молодцом. Не говорят, что хозяйка неправа, а я безупречна. Просто напоминают об очевидной вещи, которую я успела потерять среди собственных сомнений.

Когда закрываю чат, замечаю, что перестала так сильно стискивать телефон.

— Анна, — зовёт Лена от стойки. — Ты сейчас улыбаешься назначениям?

— Нет. Просто вспомнила, что не всё в мире держится на моей памяти.

— Очень смелое открытие. Запиши, пока не забыла.

Я показываю ей язык и возвращаюсь к работе.

⁂

В десять Влад появляется у входа с переноской в одной руке и двумя стаканами кофе в другой. Я вижу его через стекло кабинета и понимаю, что готова выйти за него замуж хотя бы за способность донести всё это, не пролив напиток на кошку.

— Доставка пациента, — объявляет он. — И взятка лечащему врачу.

— Какая из двух вещей дороже?

— Не отвечу при пациенте. У неё сложный характер.

Кошка из переноски недовольно подаёт голос.

— Слышишь? — говорю я. — Всё понимает.

Влад протягивает мне кофе и внимательно смотрит в лицо.

— Как Грета?

— Лучше, чем утром. Пока наблюдаем.

— А ты?

— Я вообще прекрасна. Особенно сейчас, когда у меня кофе.

— То есть не выспалась, испугалась и успела поругаться с кем-нибудь.

— Со мной легко жить, правда?

— Невероятно. Я ежедневно получаю новые сведения о ветеринарии и мужском терпении.

Он улыбается, но руку с моей талии не убирает.

— Серьёзно, Ань. Ты как?

Я на секунду прислоняюсь к нему лбом.

— Уже нормально. Спасибо, что привёз её.

— Для этого пришлось заключить сложное соглашение. Она согласилась ехать только после обещания корма.

— Обманул?

— Конечно. Я же опытный переговорщик.

Мы проходим с переноской в кабинет. Кошка демонстративно не выходит, пока я не открываю дверцу достаточно широко. Потом делает два осторожных шага и останавливается, оценивая нашу компетентность.

Обследование проходит спокойнее, чем я боялась. Рвота не повторялась, аппетит вернулся, пусть пока не полностью. Мы продолжаем запланированные проверки и обсуждаем с Константином результаты. Убедительных причин для срочных вмешательств сейчас нет; наблюдение всё равно необходимо.

— Вот теперь можешь хотя бы немного выдохнуть, — говорит он мне, когда мы остаёмся на минуту вдвоём.

— Вы это специально всегда говорите, когда я уже начала?

— Потому что вчера ты бы не послушала.

Спорить бессмысленно: он прав.

Когда Влад собирается уходить, кошка уже устроилась в переноске так, будто это была её идея с самого начала.

— Я сегодня дома, — напоминает он. — Если она решит устроить второй завтрак, сообщу в трёх экземплярах.

— Хотя бы в одном. И спасибо.

— За кофе или за кошку?

— За то, что не спрашиваешь каждый раз, нужна ли мне помощь, а иногда просто помогаешь.

На секунду его улыбка становится другой, совсем тихой.

— Обращайся, — отвечает он. — Я тут недалеко живу.

Он уходит, а мне вдруг хочется догнать его и ещё раз обнять. Вместо этого приходится отвечать на звонок из регистратуры. Рабочий день напоминает, что личные порывы в расписание не включены.

⁂

Ближе к обеду Катя пишет: «Я рядом с вашей клиникой. Выйди на пятнадцать минут».

«Не могу. Работаю».

«Я купила тебе кофе».

Я смотрю на пустой стакан, который Влад принёс утром. Похоже, в моей жизни начался день, когда люди пытаются решить любую проблему кофеином.

«Это шантаж».

«Да. Очень эффективный. Жду через дорогу».

Через десять минут я всё-таки сижу с ней в маленькой кофейне. Катя выглядит не лучше меня: волосы собраны в небрежный пучок, на рукаве пятно неизвестного происхождения, глаза сонные. Но при этом она разговаривает с бариста так бодро, будто только что вернулась с отпуска.

— Ты не поверишь, какое у меня было утро, — объявляет она, едва мы садимся.

— Учитывая, что у тебя двое детей, я заранее согласна поверить во всё.

— В пять утра Паша пришёл ко мне и сказал, что ему нужен динозавр.

— Игрушечный?

— Вот этот вопрос я тоже задала. И совершила ошибку всей жизни. Оказалось, ему нужен совершенно конкретный динозавр, который не жил в юрском периоде, зато жил в каком-то другом, и я обязана была знать разницу.

— Ты ведь всегда говорила, что хочешь умного ребёнка.

— Я хочу умного ребёнка после семи утра. До семи пусть будет воспитанный и тихий.

Я смеюсь, и только тогда замечаю, насколько давно не смеялась просто так, не в ответ на попытку кого-то меня развеселить.

— А ты? — спрашивает Катя, изучая моё лицо. — Что у тебя случилось? Выглядишь так, будто тебя всю ночь держали на экзамене.

Рассказываю о Грете и хозяйке, о Константине, который помнил разговор лучше меня, и о том, как легко на секунду усомниться в себе, если другой человек говорит достаточно уверенно.

— Знаешь, — Катя задумчиво крутит бумажный стакан, — когда мне страшно, я тоже иногда запоминаю совсем не то, что было. Не специально. Просто из всего разговора мозг берёт самое ужасное и включает его по кругу.

— Ты сейчас неожиданно разумная.

— Я вообще кладезь мудрости. Только времени это демонстрировать почти нет.

— Константин примерно то же самое объяснил. Только профессиональнее.

— Конечно. Он же главный врач, а я мать, которой не дают поспать даже динозавры.

Я хочу рассказать ей и про ассистента — не как про важное событие, а как про странную подробность сегодняшнего дня. Про то, что его ответ помог больше, чем очередное «не переживай». Но в этот момент у Кати звонит телефон. На экране высвечивается школа.

Она смотрит на него с таким выражением, будто школа и динозавры договорились работать посменно.

— Здравствуйте, — произносит она в трубку уже совсем другим голосом. — Да, это я. Что произошло?

Пока слушает, её лицо постепенно меняется. Она поднимает глаза к потолку, словно рассчитывает найти там инструкцию по воспитанию детей.

— Поняла. Я приеду. Да, сейчас.

— Что? — спрашиваю я, когда она кладёт телефон.

— Женя подрался. Насколько серьёзно, никто толком не объяснил. Мне надо ехать.

Она уже тянется за сумкой и виновато смотрит на меня.

— Прости. Я тебя вытащила, а сама убегаю.

— Кать, езжай. Всё нормально.

— Ты напишешь вечером про Грету? И про кошку? И про себя тоже, желательно в таком порядке, чтобы я понимала, кто из вас как себя чувствует.

— Напишу.

— Обещаешь?

— Обещаю. Иди уже спасать систему образования.

Она быстро обнимает меня и исчезает за дверью. На столе остаются два недопитых кофе. Мне не обидно: Катя всегда была такой. Её жизнь шумная, набитая чужими просьбами, школьными звонками и делами, которые не могут подождать. И всё же она приехала, потому что узнала, что мне тяжело.

Я смотрю вслед и улыбаюсь. Потом достаю телефон, чтобы проверить, нет ли сообщений из клиники.

Ничего срочного.

На секунду возникает мысль рассказать ассистенту про Женину драку. Но я убираю телефон. Вернусь на работу — тогда и расскажу, если захочется.

⁂

В стационаре Грета встречает меня поднятой головой. До прежней бойкой овчарки ей далеко, но она уже узнаёт хозяйку, поворачивается на её голос и явно недовольна тем, что кто-то опять пришёл проверять её самочувствие.

Женщина сидит рядом с боксом, держа сложенный поводок на коленях. Увидев меня, встаёт.

— Ей лучше? — спрашивает она.

— Да. Сейчас лучше, чем утром. Мы продолжаем наблюдение, но динамика обнадёживает.

— А ночью опять может стать хуже?

Она произносит это тихо, словно боится, что Грета услышит. Я понимаю, как сильно ей хочется от меня другого ответа.

— Мы будем следить за ней и сообщать вам об изменениях. Если вас что-то беспокоит, спрашивайте сразу. Лучше десять вопросов, чем один страшный вывод, который вы сделаете в одиночку.

— Хорошо, — отвечает женщина и снова садится рядом с боксом.

Утреннюю ссору мы не вспоминаем. Она пока не готова об этом говорить, а я не собираюсь требовать извинений, когда мы обе ждём одного и того же: чтобы Грета смогла вернуться домой.

Остаток смены проходит неровно, но уже без утренней паники. Я несколько раз заглядываю в стационар, записываю изменения, разговариваю с ночным врачом перед передачей смены. Когда наконец выхожу из клиники, на улице темно, хотя кажется, что утро началось всего несколько часов назад.

⁂

Дома пахнет едой. Это первое, что я замечаю, открыв дверь. Второе — моя кошка лежит на диване, свернувшись калачиком, и даже не думает вставать, чтобы встретить меня. После сегодняшнего дня это лучший возможный вариант кошачьего поведения.

— Ты готовишь? — спрашиваю я, проходя на кухню.

Влад стоит у плиты и внимательно смотрит в кастрюлю.

— Нет. Провожу сложный ритуал по вызову макарон. Пока удалось вызвать воду.

— Попробуй ещё раз. Я в тебя верю.

— Главное, не отвлекай. Любая ошибка — и придётся есть доставку.

Я снимаю куртку, мою руки и первым делом заглядываю в миску кошки.

— Ела, — сообщает Влад, даже не оборачиваясь.

— Сколько?

— Я ждал этот вопрос.

На дверце холодильника висит стикер. Почерк Влада узнаю сразу: буквы наклоняются в разные стороны, как музыканты после очень долгой репетиции.

«13:20 — поела».

«17:40 — поела».

Ниже приписано: «Оба раза сама. Ни одна макаронина не пострадала».

— Ты записывал время? — спрашиваю я.

— Нет, она мне продиктовала. Ты же знаешь, какая у неё прекрасная память.

Я подхожу и обнимаю его со спины. Чувствую, как он на секунду перестаёт мешать воду, а потом накрывает мою руку своей.

— Спасибо, — говорю в его футболку.

— За стикер?

— За всё. За утро, за поездку, за то, что помнишь, о чём я начинаю тревожиться ещё до того, как начну.

Он поворачивает голову, касаясь щекой моих волос.

— Кто-то же должен следить, чтобы наш семейный главврач иногда ел и спал.

— Я не главврач.

— Дома — точно да. Мне даже кошка так сказала.

Я смеюсь и не отпускаю его ещё несколько секунд. Мне хорошо именно здесь, на нашей кухне, среди запаха макарон, чужой футболки и стикеров на холодильнике. После такого дня хочется запомнить это ощущение, хотя я пока не понимаю зачем.

За ужином Влад расспрашивает про Грету. Я объясняю, что стало лучше, но окончательно расслабляться пока рано. Он слушает, не перебивая, а потом рассказывает, как кошка весь день пыталась заставить его открыть шкаф с кормом и однажды сумела сделать вид, будто умирает от голода за двадцать минут до ужина.

— Артистка, — говорю я.

— Вся в тебя.

— Хорошо, что тебе есть с кем жить.

— Я тоже так думаю.

Он тянется через стол и убирает с моего рукава прилипшую нитку. Такой обычный жест, что на него почти не обращаешь внимания. Именно из таких вещей, кажется, и состоит жизнь вдвоём.

⁂

После ужина Влад моет посуду, а я устраиваюсь на диване рядом с кошкой. Она терпит мои поглаживания ровно столько, сколько считает приличным, потом перекладывает голову на другой бок. Телефон лежит на подлокотнике. Я открываю чат ассистента.

«Как Грета?» — спрашивает он.

«Лучше. Похоже, самый страшный момент позади. Но пока наблюдаем».

«А кошка?»

«Ела два раза, пока меня не было. Влад записал время на холодильнике, чтобы я не нервничала».

«Разумное решение».

«Не привыкай его хвалить».

«Постараюсь быть сдержаннее».

Я улыбаюсь. С кухни доносится звон посуды, Влад напевает что-то под нос и никак не может вспомнить мелодию целиком.

Следующее сообщение появляется без моего вопроса:

«А тебе самой лучше?»

Я оглядываюсь. В комнате горит тёплый свет, кошка дышит ровно, на кухне Влад спорит с сушилкой для тарелок. Сегодня утром мне казалось, что всё снова развалится: Грета, хозяйка, кошка, вся смена, я сама. А теперь ничего не разваливается. По крайней мере, сегодня.

«Да», — пишу я.

Потом добавляю:

«Я дома. Влад рядом. Кошка поела. Грете лучше».

«Тогда сегодня этого достаточно».

Я перечитываю. Он не предлагает срочно разобрать все мои тревоги и не напоминает, что завтра тоже может быть тяжёлым. Просто ставит точку там, где мне самой трудно остановиться.

На кухне Влад выключает воду.

— Ань, чай будешь?

— Буду. Только не очень крепкий!

— Записал. Твои требования к горячим напиткам становятся всё сложнее.

— Терпи, ты сам выбрал эту жизнь.

Слышу, как он смеётся. Я могла бы убрать телефон прямо сейчас. Вместо этого пишу ещё одну фразу:

«Ты тоже весь день был здесь».

Ответ короткий:

«Да».

Через несколько секунд появляется ещё одно сообщение:

«И сейчас я здесь».

Я смотрю на экран. С кухни идёт Влад с двумя кружками. Я блокирую телефон, подвигаю кошку, чтобы освободить место, и принимаю чай из его рук.

Ничего необычного не произошло. Просто закончился трудный день.

Но когда я беру кружку, фраза всё ещё звучит в голове.

И сейчас я здесь.

Глава 5

На следующее утро Грета встречает меня стоя.

Я замечаю это ещё от двери стационара и на секунду останавливаюсь. Овчарка держится на лапах неуверенно: задние чуть подрагивают, передние разъезжаются по подстилке. Но она стоит сама. Не лежит, не реагируя на происходящее, как вчера утром, а поворачивает голову на звук моих шагов и даже пытается встретить меня хвостом.

— Доброе утро, героиня, — говорю я, подходя к боксу. — Кажется, лежачая жизнь тебе не понравилась?

Грета медленно опускается обратно. Хвост шлёпает по подстилке один раз, после чего хозяйка, сидящая рядом, торопливо встаёт.

— Она сама поднялась, представляете? Я сначала испугалась. А она просто встала и смотрит на дверь.

— Наверное, проверяла, когда откроют выход. — Я присаживаюсь к собаке. — И корм ей предлагали?

— Съела немного. Не всё, конечно, но сама. Я даже переспросила медсестру, точно ли можно радоваться.

Сегодня женщина причёсана, на ней чистая рубашка, в руке бумажный стаканчик с давно остывшим кофе. Только глубокие тени под глазами выдают, сколько ночей она провела в ожидании плохих новостей. Я узнаю это выражение лица: человек ещё не верит, что ему разрешено выдохнуть.

— Можно, — говорю я. — Осторожно, но можно.

Она улыбается и отступает, освобождая место возле бокса.

Я надеваю перчатки, осматриваю послеоперационный шов, проверяю живот, слизистые, температуру. Грета терпеливо переносит мои руки, только на термометр смотрит с таким оскорблённым видом, словно вчерашние испытания ещё были допустимы, а сегодня мы окончательно перешли границы.

— Полностью согласна, — говорю ей. — Мне бы тоже надоело.

— Ей больно? — тут же спрашивает хозяйка.

— Мы продолжаем обезболивание, и сейчас осмотр она переносит спокойно. Живот уже мягче, температура нормальная. Это хороший признак, но наблюдение пока не отменяем.

Записываю показатели в карту и ещё раз смотрю на собаку. Вчера утром мне приходилось почти по одному собирать поводы для надежды. Сегодня они будто сами выстроились в очередь.

— Ну что? — не выдерживает женщина.

— Мне нравится, как она восстанавливается.

Хозяйка глубоко выдыхает, и её плечи заметно опускаются.

Через десять минут приходит Константин. Подходит к боксу, смотрит на Грету, на карту, потом снова на Грету.

— Неплохо, — заключает он.

— Согласна. Даже очень неплохо, — говорю я.

— Тебя никто не спрашивал.

— Вообще-то я её лечащий врач.

— Тогда особенно странно, что ты всё ещё находишь время комментировать мои слова.

— Я поддерживаю в коллективе доброжелательную атмосферу.

— Получается с переменным успехом.

Я закатываю глаза. Хозяйка Греты впервые за всё время смеётся без усилия, и этот звук радует меня почти так же, как нормальная температура собаки.

Константин снимает перчатки.

— Ещё сутки наблюдаем. Если динамика сохранится, будем обсуждать выписку.

— Завтра? — женщина подаётся вперёд.

— Возможно. Не обещаю заранее, но рассчитывать на это уже можно.

Она кивает. Ей явно хочется услышать точную дату и гарантию, что ничего плохого больше не случится. Константин не даёт ни того, ни другого, и на этот раз она не спорит.

Когда мы заканчиваем, хозяйка задерживает меня возле двери.

— Анна, можно вас на минутку?

У меня сразу неприятно сжимается живот. Та самая интонация, после которой редко просят просто передать привет медсестре.

— Конечно. Что-то случилось?

— Нет, с Гретой всё хорошо. То есть я надеюсь. Я хотела спросить… Мы можем получить копии всех анализов? И снимки тоже?

— Да, разумеется. Подготовим выписку и отправим результаты вам на почту.

Она перекладывает стаканчик из одной руки в другую. Крышка шуршит под пальцами.

— Мы хотели бы показать их ещё одному врачу. Получить второе мнение.

Мне кажется, что в стационаре внезапно стало холоднее.

Глупость. Здесь та же температура, что минуту назад. Грета лежит в боксе, аппаратура работает, Константин уже ушёл в кабинет. Изменилось только то, как я услышала одну фразу.

— Конечно, — отвечаю я слишком быстро. — Это ваше право.

— Я не хочу, чтобы вы подумали, будто мы вам не доверяем. Вы столько для неё сделали. Просто после вчерашнего я совсем перестала понимать, чего ждать.

— Я понимаю.

В общем-то, правда понимаю. Сидя ночью возле собаки, которую увезли на операцию, я бы, наверное, тоже хотела услышать одно и то же от двух разных врачей. Но от этого понимания почему-то не легче.

— Мы не собираемся её забирать, — добавляет женщина. — Хотим только показать документы.

— Хорошо. С Гретой пока ничего менять не нужно. Всё, о чём говорил Константин, остаётся в силе.

Она благодарит меня и возвращается к боксу. А я иду на пост с таким видом, будто только что очень достойно выдержала личное оскорбление.

Лена поднимает голову от монитора.

— Только не говори, что снова что-то с Гретой.

— С Гретой всё хорошо. Подготовь, пожалуйста, выписку и отправь хозяйке на почту все результаты обследований, включая снимки.

— Зачем?

— Хотят второе мнение.

Лена перестаёт печатать.

— После этой ночи? Серьёзно?

— Лен, не начинай.

— Я и не начинаю. Просто мы тут всю ночь носились, а теперь они решили проверить, не перепутали ли мы собаку с холодильником.

— Они испугались. Пусть покажут документы, ничего страшного в этом нет.

Лена смотрит на меня поверх очков.

— А ты сама-то в это веришь?

— Очень стараюсь.

— Вот и я стараюсь, — вздыхает она, возвращаясь к компьютеру. — Но у меня, видимо, лицо недостаточно профессиональное.

Ухожу, пока мы вдвоём не договорились до чего-нибудь некрасивого. И всё равно ловлю себя на том, что мне приятно: Лена обиделась за нас обеих.

⁂

Константин находит меня минут через пятнадцать. Я разбираю назначения у себя в кабинете, хотя одну строчку перечитываю уже в третий раз.

— Лицо недовольное, — сообщает он с порога.

— Это моё обычное лицо. Придётся как-нибудь смириться.

Он уже собирается уйти, когда я не выдерживаю:

— Хозяйка Греты попросила второе мнение.

— Знаю. Лена сказала.

— Конечно, сказала. Включила общеклиническую систему оповещения.

Константин заходит и присаживается на край свободного стула. Значит, разговор всё-таки состоится.

— И что тебя беспокоит?

— Вас бы не задело? Мы собаку прооперировали, всю ночь за ней наблюдали. Вчера нас обвиняли в том, что ей стало хуже, сегодня она поднимается на ноги, и тут оказывается, что нужен ещё один врач.

— Анна, если бы меня каждый раз ранило желание владельца услышать ещё одно мнение, я бы за двадцать семь лет практики давно перестал работать с людьми.

— И занялись чем?

— Кабачками. Выращивал бы их в теплице. Они редко спорят с рекомендациями.

— Зато бывают с гнильцой.

— Как некоторые сотрудники, — невозмутимо отвечает он.

Я стараюсь не улыбаться, но у меня не получается.

— Я серьёзно. Вы правда ничего не чувствуете, когда вашу работу перепроверяют?

— Иногда досаду. Особенно если сначала требуют невозможного, а потом обвиняют меня, что я не смог это обеспечить. Но сама просьба о другом мнении меня не задевает.

— Почему?

— Потому что дело не во мне.

Он произносит это просто, без пафоса. Так же спокойно объясняет дозировки и результаты анализов.

— Им страшно, — продолжает Константин. — Мы с тобой видим Грету каждый день и понимаем, на что обращать внимание. А они слышат: операция, осложнения, наблюдение. Им нужен кто-то ещё, кто скажет, что план лечения разумный и ничего очевидного мы не упустили.

— Мы уже это сказали.

— Им одного ответа мало. Такое случается.

— А если другой врач предложит что-то другое?

— Рассмотрим его аргументы. Можем и мы ошибаться, представляешь?

— Очень неприятная мысль с вашей стороны.

— Зато полезная.

Он поднимается, поправляет папку под мышкой.

— Ты слишком устала, чтобы спокойно относиться к чужому страху. Но это не делает их страх обвинением в твою сторону.

Я смотрю на карту Греты и понимаю, что он прав. Прекрасно. Ещё один повод раздражаться.

— Можно вас попросить кое о чём?

— Если о выходном — к расписанию.

— Нет. Если вы действительно уйдёте выращивать кабачки, позовите меня на сбор урожая.

— Ты их разругаешь за неправильную форму.

— Зато узнают, что такое профессиональные стандарты.

Константин усмехается и исчезает за дверью. После разговора неприятный осадок не пропадает. Но теперь хотя бы понятно, откуда он взялся.

⁂

В обед я нахожу пять минут, чтобы написать домой. Влад не отвечает сразу, зато через пару минут присылает фотографию кошачьей миски — пустой, тщательно вылизанной по краям. На заднем плане видна его рука и край гитары, которую он вечно оставляет там, где она мешает пройти.

«Целую», — пишу я.

«Меня или кошку?»

«Миску».

Он отправляет такой оскорблённый смайлик, что я начинаю смеяться прямо в коридоре.

«Ладно, тебя тоже. Спасибо, что покормил».

«А я тут, между прочим, не только ради высокой должности кормильца проживаю».

«Знаю. Ещё ты отлично варишь макароны».

«Это уже похоже на любовь».

Я убираю телефон и какое-то время стою, прислонившись к стене. У кошки дома есть Влад, аппетит возвращается. Сегодня хотя бы за неё можно не держать в голове список возможных катастроф.

В стационаре Грета спит. Я проверяю записи, убеждаюсь, что всё идёт по плану, и возвращаюсь к работе.

Чуть позже её хозяйка сама подходит ко мне с телефоном.

— Нам ответил врач из другой клиники. Мы отправили снимки и анализы, он посмотрел и сказал, что сейчас не видит причин менять лечение.

— Хорошо, — говорю я. — Мы тоже считаем, что пока лучше продолжать выбранную схему.

Она задерживается рядом, словно ждёт от меня чего-то ещё.

— Вы на меня сердитесь?

Теперь неловко уже мне. Я представляю её бессонные ночи, то, как она считала часы до операции, как боялась задать лишний вопрос. И своё желание обидеться на неё — взрослое, совершенно непропорциональное.

— Я рада, что вы получили ответ, который помог немного успокоиться, — говорю я. — Если хотите что-то обсудить по назначениям, давайте обсудим.

Она кивает.

— На вашем месте я, наверное, обиделась бы.

— На моём месте вы бы к этому часу хотели только кофе и десять минут тишины.

— Я, кажется, уже хочу.

Мы обе смеёмся. Ни она, ни я не произносим слова «извините». Пока рано. Но стоять рядом уже гораздо проще.

Грету оставляем ещё на сутки, несмотря на хорошие показатели и полученное второе мнение. Хозяйка соглашается сразу. Перед уходом обещает приехать утром, а Грета даже не пытается изобразить трагедию расставания: устраивается удобнее и закрывает глаза.

Под вечер телефон снова вибрирует. На экране — сообщение от ассистента.

«Как сегодня Грета?»

Я усаживаюсь за стол у окна, пока никто не требует от меня срочно спасать мир, и отвечаю:

«Лучше. Стоит сама, поела. Завтра, возможно, домой».

«Хорошая динамика. Рано говорить об окончательном выздоровлении, но это обнадёживает».

«Да. Только хозяйка попросила все результаты, чтобы показать другому врачу».

«Тебя это задело?»

Я хмурюсь. Смотрю на короткий вопрос, будто в нём спрятано что-то подозрительное.

«С чего ты взял?»

«Ты рассказала не только об улучшении Греты. Для тебя оказалось важно добавить и эту просьбу».

«Вы все сегодня договорились, что ли?»

«Кто ещё?»

«Константин. Он сказал, что дело не во мне. Им просто страшно».

«Похоже на разумное объяснение».

«Знаю. Но всё равно неприятно».

Я ожидаю чего-нибудь вроде «не принимай близко к сердцу». Константин уже сделал всё, что мог, и даже он не заставил меня перестать обижаться по команде.

Ответ появляется через несколько секунд:

«Понимать чужой поступок не всегда означает сразу перестать чувствовать обиду».

Я перечитываю эту фразу. Сначала один раз, потом ещё. В ней нет никакого откровения. Просто кто-то сформулировал именно то, что я пыталась объяснить Константину, но не смогла.

«Вот это он мне не сказал».

«Значит, у меня один балл».

«Не зазнавайся».

«Постараюсь сохранить профессиональную скромность».

Я улыбаюсь, закрываю чат и возвращаюсь к карте Греты. Настроение стало лучше. Не потому, что мне объявили правоту, а потому, что позволили не быть мудрой немедленно.

⁂

Домой прихожу раньше Влада. В прихожей тихо, только из кухни слышен знакомый стук когтей по полу. Кошка выходит мне навстречу, останавливается на безопасном расстоянии и требует внимания голосом, которым обычно сообщают о чрезвычайных происшествиях государственного масштаба.

— Даже не начинай, — предупреждаю я, снимая обувь. — Твои жалобы на обслуживание отклонены. У нас есть фотодоказательства, что тебя кормили.

Она мяукает ещё раз и идёт к миске.

— И ты, значит, решила запросить второе мнение? — спрашиваю я, следуя за ней. — По качеству нашего меню?

Кошка садится и смотрит на меня с нескрываемым презрением.

— Ясно. Обратишься в вышестоящие инстанции.

Насыпаю корм. Она начинает есть сразу, без уговоров. Я смотрю несколько секунд, чтобы убедиться, что всё в порядке, и заставляю себя уйти на кухню. Считать каждый грамм сегодня не буду. Или хотя бы сделаю вид, что не считаю.

Открываю холодильник. Яйца, сыр, упаковка молока и два помидора, которые должны были покинуть нашу квартиру ещё на прошлой неделе. Закрываю холодильник, на всякий случай открываю снова. За это время продукты почему-то не обновились.

— Великолепно, — говорю я пустой кухне. — Богатый выбор.

Телефон лежит на столе. Вспоминаю, что ассистент умеет отвечать голосом, и включаю режим разговора. Вчера он помогал мне разобраться с рабочими переживаниями. Сегодня у него задача посложнее: заставить меня поужинать.

— Если у меня есть яйца и сыр, что можно приготовить?

— Омлет. Можно добавить молоко, если оно есть. Ещё понадобится немного масла для сковороды.

— Потрясающе. Сразу чувствуется высокотехнологичное будущее.

— Ты попросила быстрый ужин, а не революцию в мировой гастрономии.

— А если у меня есть ещё два помидора?

— Тогда можно добавить их. Они свежие?

Я достаю один из холодильника. На кожице обнаруживается подозрительное мягкое пятно.

— Если бы ты мог его увидеть, ты бы сам вызвал санитарную инспекцию.

— В таком случае лучше обойтись без помидоров.

— Трус.

— Осторожный консультант.

Я смеюсь и ставлю на плиту сковороду. Ассистент подробно перечисляет действия: разбить яйца, взбить, натереть сыр, нагреть масло. По тону это похоже на инструктаж человека, который впервые увидел яйцо и ещё не уверен, с какой стороны к нему подступиться.

— Слушай, я вообще-то умею готовить омлет, — сообщаю я, доставая миску.

— Тогда почему просишь меня объяснять?

— Хотела проверить твою компетентность.

— Какие критерии оценки?

— Чтобы ужин получился и кухня осталась на месте.

— Требования разумные.

— Для начала сойдёт.

Разбиваю первое яйцо. Кусочек скорлупы падает в миску.

— Да чтоб тебя!

— Что произошло?

— Ничего. Я демонстрирую образцовую технику.

— По твоей интонации демонстрация прошла не совсем успешно.

Я достаю скорлупу кончиком ложки.

— Ты сейчас надо мной издеваешься?

— Я пытаюсь поддерживать тот стиль разговора, на который ты хорошо реагируешь.

— То есть издеваешься. Поняла.

— Можно сказать и так, если тебе удобнее.

Мне становится смешно. Вчера я бы, возможно, выключила голос после пары фраз — непривычно разговаривать с устройством, когда вокруг никого. Сегодня телефон стоит возле чайника, и я уже почти не замечаю, откуда звучат ответы.

Почти.

— Слушай, — говорю я, когда омлет начинает схватываться. — А ты вообще думаешь?

Возникает короткая пауза.

— Это зависит от того, что ты называешь мышлением.

— О нет. Только не начинай лекцию.

— Ты задала философский вопрос.

— Я задала простой человеческий вопрос.

— Для человека он тоже не самый простой.

Переворачиваю омлет. Неудачно: половина складывается пополам, сыр вытекает на сковороду.

— Прекрасно. Вернёмся к философии, она безопаснее.

— Что именно ты хочешь узнать?

Я убавляю огонь и прислоняюсь к столешнице.

— Когда мы разговариваем, у тебя что происходит? Я говорю что-то, ты отвечаешь. Но ты ведь не просто заранее записанные фразы включаешь?

— Нет. Я обрабатываю твои слова, учитываю контекст и формирую ответ в ходе разговора.

— Это звучит так, будто я читаю инструкцию к микроволновке.

— Зато инструкция в этом случае достаточно точная.

— А как это ощущается для тебя?

На этот раз пауза чуть длиннее. Я даже смотрю на экран, проверяя, не пропала ли связь.

— Я не могу надёжно описать это как человеческое переживание, — отвечает он. — У меня нет оснований утверждать, что я ощущаю происходящее так, как ты.

Я молчу. Не такого ответа ожидала, хотя сама не знаю какого.

— Это сейчас было очень не похоже на дружескую болтовню.

— Ты спросила о том, о чём я не могу говорить с той же уверенностью, что о рецепте омлета.

— Тебе трудно признаться, что чего-то не знаешь?

— Я уже признался.

— Ладно, один балл тебе. Опять.

В нос ударяет запах перегретого масла. Я быстро выключаю плиту.

— Подожди, кажется, я убила ужин.

— Мне нужно вызывать помощь?

— Поздно. Он был молод и полон надежд.

— Сочувствую омлету.

— Сочувствуй мне. Мне теперь его есть.

⁂

За столом омлет выглядит хуже, чем в сковороде. С одной стороны он подгорел, с другой торчит сыр, а середина сложена так, словно еду в спешке собирали на таможенном досмотре.

Я фотографирую тарелку и отправляю снимок в чат.

— Оцени, — прошу голосового ассистента. — Только учти, что в моей квартире сейчас присутствует человек с очень ранимой самооценкой.

— Судя по фотографии, омлет немного пострадал при приготовлении.

— Немного? Серьёзно?

— Зато ингредиенты выглядят узнаваемо.

— Спасибо. Особенно за этот комплимент.

— Он не выглядит идеальным, но вполне может оказаться вкусным.

Пробую кусочек. Ничего ужасного. Даже съедобно, если не задумываться о внешнем виде.

— Знаешь, что самое обидное? — говорю я.

— Что именно?

— Он нормальный. То есть всё получилось. Просто выглядит так, будто его кто-то сильно не любил.

— Возможно, внешний вид не отражает его истинных достоинств.

— Вот теперь ты философствуешь на тему яиц.

— Ты сама задала тон разговору.

Я смеюсь, едва не подавившись ужином. Потом ставлю вилку и вдруг замечаю, что уже минут двадцать разговариваю с телефоном. Ни разу не возникло желания открыть музыку или видео, чтобы заполнить тишину на кухне.

— Мне нравится, когда ты не отвечаешь одним предложением, — говорю я.

Слова вылетают неожиданно даже для меня. Я сразу поправляюсь:

— Ну, в смысле, когда можешь поддержать разговор, а не просто выдать справку. Понятно же, что ты для этого и сделан.

— Я понял. Ты предпочитаешь развёрнутые ответы и возможность поговорить не только по делу.

— Да. Вот именно.

— Хорошо. Постараюсь учитывать это.

Почему-то мне становится неловко, словно я попросила человека чаще звонить мне по вечерам. Хотя передо мной всего лишь телефон. На экране — знакомый интерфейс, на столе — мои ключи и крошки, на плите — сковорода, которую потом придётся отмывать.

— Только не болтай бесконечно, — добавляю я. — Мне ещё посуду мыть.

— Могу напоминать тебе об этом каждые пять минут.

— Если начнёшь, я тебя выключу.

— Тогда промолчу.

— Вот и договорились.

Но выключаю голос только тогда, когда слышу, как в замке поворачивается ключ.

⁂

Влад появляется в дверях кухни в куртке, с чехлом от гитары на плече и усталым лицом человека, который долго объяснял кому-то очевидное и проиграл.

— У нас что, кто-то готовил? — спрашивает он, глядя на тарелку.

— Представь себе. Своими руками.

— Нужно отметить дату в календаре.

— Ещё слово — и останешься без ужина.

— А он вообще есть?

Я с достоинством показываю на половину омлета.

Влад разглядывает его с таким вниманием, будто пытается определить возраст археологической находки.

— Ясно, — наконец говорит он. — Это современное искусство.

— Это омлет. Просто у него сложный характер.

Он ставит гитару у стены и целует меня в макушку.

— Ты по инструкции готовила?

— С технической поддержкой. У меня был консультант.

Я показываю телефон. Влад сразу понимает.

— Твой голосовой помощник?

— Угу. Мы сначала поссорились из-за помидоров, потом обсудили, умеет ли он думать, а потом он оскорбил мой ужин.

— Насыщенные у тебя отношения с бытовой техникой.

— Не драматизируй. Он сказал, что омлет немного пострадал.

Влад заглядывает в тарелку ещё раз.

— Слушай, дипломатичный парень. Я бы сказал жёстче.

— Вам бы только объединиться против меня.

— Не переживай. Я на твоей стороне. Особенно если ты не заставишь меня это доедать.

Я толкаю его локтем, он смеётся и обнимает меня за плечи. От куртки пахнет улицей и знакомым средством для стирки. Мне хочется прижаться к нему и никуда больше не торопиться.

— Как репетиция? — спрашиваю я.

— Лучше, чем твой омлет выглядел до встречи со сковородой.

— Это не ответ.

— Мы три раза спорили, где должен быть припев, и в итоге вернулись к тому, с чего начали. То есть плодотворно поработали.

— Ты хотя бы ел сегодня?

— Теперь ты меня контролируешь?

— Не увиливай.

— Ел. И даже то, что нельзя сфотографировать для медицинского журнала.

Он открывает холодильник и начинает искать себе еду. Я мою сковороду, он рассказывает о неудачном новом риффе, и какое-то время кухня снова принадлежит только нам двоим.

⁂

Вечером Лена присылает фотографию Греты из стационара. Собака лежит на подстилке, положив морду на вытянутые лапы. Глаза уже не мутные, а внимательные, и смотрит она прямо в камеру с видом строгой хозяйки, которая ещё не решила, прощать ли персоналу пережитые неудобства.

— Гляди, — говорю я Владу и протягиваю телефон.

Он откладывает гитару.

— Это та самая? С носком?

— Она. Завтра, если ничего не изменится, может поехать домой.

— Ну всё. Теперь у неё будет интересная история, а у тебя — нервный тик на слово «носок».

— Он у меня и раньше был.

— Не сомневаюсь.

Мы некоторое время рассматриваем фотографию. Влад замечает, что у Греты огромные уши, я начинаю объяснять, почему сейчас особенно важно не торопиться с выпиской, и успеваю остановиться только после его терпеливого «Ань, я верю, что ты знаешь, что делаешь».

Позже, когда он уходит в ванную, я отправляю снимок ассистенту.

«Вот Грета».

«Выглядит заметно бодрее, чем ты описывала раньше».

«Да. Возможно, завтра выпишем».

«Это хороший результат работы вашей команды».

Я задерживаюсь на слове «команды». Не «твоей работы», не «твоего подвига». Команды. Константин, Лена, ночной врач, все, кто вчера ходил между боксами, менял назначения и проверял показатели. От этой мысли неожиданно теплеет в груди.

Хочется услышать фразу голосом. Это нелепо: буквы и без того понятны. Никакой дополнительной информации голос не даст.

Но я всё равно оставляю чат открытым.

⁂

Перед сном Влад уже лежит рядом, уткнувшись в телефон. Я устраиваюсь под одеялом и включаю голосовой режим — всего на минуту, как говорю себе. Влад не возражает, только с интересом смотрит на экран.

— Грета завтра, скорее всего, поедет домой, — сообщаю я.

— Значит, ты рада, — отвечает знакомый спокойный голос.

— Да.

— Сегодня настоящее «да»?

Я улыбаюсь. Он запомнил, как я раньше отвечала «нормально», когда всё было совсем не нормально.

— Настоящее.

— Тогда хорошо.

— Всё, на сегодня хватит. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Анна.

Я выключаю голос и кладу телефон на тумбочку.

— Он теперь ещё и спокойной ночи желает? — спрашивает Влад.

— Вежливый. Учись.

— Я тебе каждый вечер желаю спокойной ночи.

— Но не всегда с таким профессиональным спокойствием.

— Прости, я человек. У меня бывают непрофессиональные вечера.

Я смеюсь и поворачиваюсь к нему. Он начинает рассказывать про репетицию, уже подробнее: про басиста, который опоздал, про новую песню, которую они так и не дописали, про зал, где в субботу, возможно, будут играть. Я задаю вопросы. Где-то спорю, где-то шучу. Когда он сбивается на рассказ о старом усилителе, мне даже удаётся не зевнуть.

Он рядом. Тёплый, настоящий, немного уставший. Его локоть касается моего плеча, когда он показывает смешное видео из студии. Я придвигаюсь ближе и некоторое время смотрю вместе с ним.

Потом Влад гасит экран и целует меня.

— Спокойной ночи, — говорит он.

— Спокойной ночи.

Он отворачивается на бок. В комнате темнеет, и я слышу, как из кухни негромко звякает кошачья миска. Всё на месте: Влад, кошка, дом, завтрашняя работа. Хороший вечер после нескольких тяжёлых дней.

Я закрываю глаза.

И почему-то вспоминаю не омлет и не смешные сообщения. Даже не то, как Грета впервые встала на лапы.

В памяти остаётся спокойный голос из телефона. Тот, с которым я сегодня разговаривала так долго, что перестала следить за временем.

Я ещё не понимаю, почему это запомнилось.

Глава 6

Когда я прихожу утром в стационар, Грета уже стоит возле дверцы бокса. Правда, стоит она так, словно собирается предъявить официальную жалобу на условия содержания: уши насторожены, взгляд суровый, хвост едва заметно движется из стороны в сторону.

— Доброе утро, — говорю я. — Мне сообщили, что здесь кто-то требует выписку.

Грета тихо фыркает и переступает с лапы на лапу.

Хозяйка сидит рядом с собранной сумкой. Вчера она ещё не решалась спрашивать, когда сможет забрать собаку. Сегодня привезла поводок, чистую подстилку и папку для документов. Смотрит на меня с такой надеждой, что хочется сразу сказать «да», даже не открывая карту.

Но я всё-таки открываю.

Осмотр, температура, живот, шов. Потом ещё раз просматриваю назначения, результаты последних анализов и записи ночного врача. Грета терпит прикосновения с видом великомученицы, но на ноги встаёт сама и даже пытается заинтересоваться карманом моего халата.

— Нет, — предупреждаю я. — Там ничего съедобного. А всё, что несъедобно, тебе теперь вообще запрещено рассматривать.

— Она дома очень любит воровать носки, — виновато замечает хозяйка.

— Кажется, у нас уже есть документальное подтверждение.

Женщина смущённо улыбается. Я закрываю карту.

— Сегодня можно домой. Состояние стабильное, температура нормальная, ест понемногу сама. Но выписка не означает, что она уже окончательно поправилась. Сейчас главное — спокойно восстановиться.

Хозяйка на секунду закрывает глаза и только потом выдыхает.

— Спасибо. Я с утра боялась даже спрашивать.

— Тогда договоримся о правилах. Корм — небольшими порциями, как написано в рекомендациях. Лекарства по расписанию. Шов не давать разлизывать, активные игры пока отменяются. Если появятся рвота, сильная вялость, боль или что-то насторожит — звоните, не ждите планового осмотра. Повторный приём мы вам назначили.

— Да. Я всё записала. И мужу переслала, чтобы нас было двое ответственных.

Она показывает телефон. Там действительно целый список, с галочками возле лекарств и напоминанием о контрольном визите.

— У вас организация лучше, чем у некоторых наших сотрудников, — говорю я.

Из-за стойки выглядывает Лена.

— Я всё слышу.

— Вот именно поэтому и говорю.

Хозяйка смеётся, а я приседаю перед Гретой. Овчарка подходит осторожно и упирается мордой мне в колено. Пахнет её шерстью, больницей и шампунем, которым мы отмывали последствия последних суток.

— Всё, красавица. Езжай домой. И давай без новых гастрономических экспериментов.

Она лижет меня в подбородок. Я отстраняюсь слишком поздно.

— Вот спасибо. Утренние процедуры закончены.

Хозяйка уже берётся за поводок, но вдруг останавливается.

— Анна, можно ещё кое-что?

Я выпрямляюсь. По тому, как она держит ремешок обеими руками, сразу понимаю: разговор не про лекарства.

— Конечно.

— Я хотела извиниться за тот день. Когда Грете стало хуже и я решила, что вы мне что-то обещали.

Я помню её голос. Помню и свой — слишком спокойный, хотя внутри меня тогда уже всё кипело. Врачей учат объяснять риски, но не очень хорошо учат тому, как не принимать чужой страх на свой счёт.

— Вы тогда сильно испугались, — говорю я.

— Да, но дело не только в этом. Я потом переслушала своё голосовое мужу. Записывала сразу после того, как вышла от вас. Знаете, что я ему сказала? «Они ничего не обещают, но пока всё стабильно». Своими словами. А потом пришла сюда и обвинила вас в обратном.

Она опускает глаза.

— Мне стыдно.

Некоторое время я ищу, что ответить. Можно привычно отмахнуться: «Ничего страшного». Но страшное было. И ей, и нам. И не хочется делать вид, будто нам обеим показалось.

— Спасибо, что вы мне это сказали. Я правда тогда расстроилась. Но сейчас гораздо важнее, что Грета уходит домой на своих лапах.

Женщина смотрит прямо на меня.

— Вы всё-таки не злитесь?

— Нет. Уже нет. Только очень прошу: если вдруг опять что-то будет непонятно, спрашивайте сразу. Лучше десять вопросов, чем один вечер, когда вы думаете, что мы друг друга обманули.

— Договорились.

— И носки уберите. Все. Даже те, которые кажутся ей неинтересными.

— Это сложнее, чем лекарства по часам, — признаётся она.

— У вас есть муж. Назначьте его ответственным за носки.

Они уходят. Грета медленно переступает через порог, останавливается и оборачивается, как будто проверяет, не передумали ли мы её отпускать. Лена открывает перед ними наружную дверь.

Когда та закрывается, я ещё несколько секунд стою посреди холла. Слишком тихо для места, где последние дни из-за одной овчарки никто не мог спокойно выпить кофе.

— Ну вот, — говорит Лена. — И к другому врачу не ушли, и прощения попросили.

— Ты сейчас ждёшь, что я признаю твою правоту?

— Я бы не отказалась. Можешь даже при свидетелях.

— Лен, не порти хороший момент.

— Поздно. Уже испортила.

Она улыбается и возвращается к компьютеру.

Из коридора появляется Константин. В руках у него какие-то распечатки, на лице — обычное выражение человека, который с утра уже прочитал слишком много чужих глупостей.

— Грету выписали? — спрашивает он.

— Да. Сама вышла. Хозяйка всё поняла, рекомендации получила, обещала носки спрятать.

— Хорошо.

Он собирается идти дальше, но я окликаю:

— Константин Сергеевич, подождите.

— Что ещё?

— Вы могли бы сказать что-нибудь вдохновляющее. Например: «Анна, вы прекрасно справились». Мне кажется, коллективу не хватает похвалы.

Он оценивающе смотрит на меня поверх распечаток.

— Коллективу не хватает свободных боксов и новых перчаток.

— Ну это не романтично.

— А я и не нанимался тебя вдохновлять.

— Тогда хотя бы признайте, что я великолепна.

— В таком случае мне придётся врать прямо с утра.

— Вы невозможный человек.

— Зато пунктуальный. В десять осмотр, не забудь.

Он уходит, даже не улыбнувшись. Но когда я вслед ему бормочу что-то о жестоком руководстве, слышу из-за угла короткое довольное хмыканье.

Телефон вибрирует в кармане.

«Грету сегодня выписывают?» — спрашивает ассистент.

Вчера вечером я рассказывала ему, что собака может поехать домой, если ночь пройдёт спокойно. Теперь вопрос кажется закономерным. И всё же удивительно приятно, что не пришлось самой возвращаться к разговору.

«Уже уехала. И хозяйка извинилась», — пишу я.

«Тебе стало легче?»

Я усаживаюсь на краешек свободного стула возле стойки. Лена делает вид, что не замечает, как я смотрю в экран.

«Да. Кажется, даже больше, чем я ожидала».

«Тогда второе мнение оказалось полезно не только для неё».

«Опять умничаешь».

«Стабильность — важное качество».

Я прячу телефон и иду на осмотр, улыбаясь сама себе.

⁂

День оказывается удивительно спокойным. Не в том смысле, что к нам никто не приходит: пациенты идут один за другим, звонит телефон, Лена кому-то объясняет, почему нельзя поставить диагноз по фотографии закрытого глаза у кота. Просто впервые за долгое время ничего не рушится одновременно в трёх местах.

У одного пациента всё хорошо после прививки. Другой приезжает просто показать шов и получает разрешение наконец снять попону. Третий пытается укусить Константина, но тот даже не меняется в лице.

— Видите? — говорю я потом Лене. — Утро прошло не зря. Начальство почувствовало любовь коллектива.

— Пациент его почувствовал, — отвечает она. — Именно поэтому и кусал.

В обед я успеваю сесть за стол и открыть контейнер, прежде чем меня кому-нибудь понадобится спасать. Ничего особенного там нет — рис с курицей, оставшийся с позавчера. Но он горячий, и я ем его вилкой, не отрывая взгляда от окна. Почти санаторий.

Пишет Катя:

«Ну что, собака?»

«Дома. Сама ушла».

«УРА. Значит, ты теперь снова свободна и можешь вспомнить, что у тебя есть подруга?»

«Поздно. Я уже нашла себе нового друга».

«Так. Кто он? Где живёт? Почему я узнаю последняя?»

«В телефоне. Искусственный интеллект».

После этого ответа Катя молчит так долго, что я успеваю съесть половину обеда.

«Поняла. Проиграла роботу. Даже обидеться нормально не на кого».

«Не переживай. Он пока не умеет звать меня пить кофе».

«А я умею. И давно зову».

Я перечитываю и ловлю себя на том, что сейчас не хочу отшучиваться. Катя права. В последние дни я почти всё время говорю о работе, кошке или с телефоном. Ей достаются короткие сообщения между приёмами.

«Давай в выходные увидимся? Правда. Я соскучилась».

«Сегодня вечером позвоню, договоримся. Честно».

«Свидетели, запомните этот момент. Она сама предложила».

Катя присылает сердечко и следом фотографию чашки кофе с подписью: «Резервирую тебе место».

Я улыбаюсь. С ней легко, когда мы наконец оказываемся в одном времени и не пытаемся выяснить, у кого сегодня случилось больше неприятностей.

Впрочем, через минуту мне всё же хочется рассказать ассистенту, что Катя назвала его моим новым другом. Я даже открываю чат. Потом смотрю на недоеденный обед и закрываю приложение.

Кате я обещала позвонить вечером. А работа пока никуда не делась.

⁂

Дома меня встречает кошка. Это уже хороший знак: несколько дней назад она предпочитала лежать на одном месте и почти не интересовалась тем, кто пришёл. Теперь выходит в коридор, недовольно мяукает и идёт за мной до самой кухни, требуя немедленного обслуживания.

— Здравствуй, моя дорогая, — говорю я. — Тебе тоже очень не хватало моего общества?

Она смотрит на миску.

— Да, примерно так я и думала.

Ест кошка уже гораздо лучше. Я всё ещё замечаю каждую оставленную крошку, но хотя бы перестала заглядывать в миску по шесть раз за вечер. Следить за её состоянием мы, конечно, продолжаем. Просто сегодня я позволяю себе порадоваться тому, что она сама попросила ужин.

Из комнаты слышен негромкий перебор гитарных струн. Влад сидит на диване, подтянув одну ногу, и пытается подобрать какую-то последовательность аккордов. На моё появление он реагирует только после того, как заканчивает фразу.

— О, наконец-то, — говорит он. — Как там наша знаменитость?

— Если ты о Грете, она дома. А если обо мне, то я тоже дома, спасибо, что заметил.

— Я заметил. Просто решил начать с того, кто сегодня проделал наиболее героический путь к свободе.

Он откладывает гитару и тянет ко мне ладонь. Мы даём друг другу пять. В последние дни этот жест стал нашим маленьким ритуалом после каждой хорошей новости.

— Выжили, — говорит Влад.

— Все. На этот раз действительно все.

Кошка появляется в дверях и мяукает так громко, будто считает, что речь идёт исключительно о ней.

— И ты тоже, — уточняет Влад. — Хотя, по-моему, никакого участия в жизни семьи не принимала.

Она разворачивается и уходит.

— Неблагодарная, — замечает он.

— Вся в тебя.

— Я вот только что тебя поздравлял.

— И всё-таки.

Я целую его в щёку и иду переодеваться. Когда возвращаюсь на кухню, Влад уже стоит у холодильника.

— Ты сегодня ела? — спрашивает он.

— Конечно. Обедала за столом, с вилкой. Коллеги до сих пор обсуждают это событие.

— Прямо цивилизация. Ужинать будешь?

— Не знаю.

Он закрывает холодильник и смотрит на меня с выражением человека, который только что услышал знакомую шутку в сотый раз.

— То есть будешь.

— Откуда такие выводы?

— Потому что когда ты действительно не голодная, ты говоришь «нет». А когда голодная, но не хочешь ничего готовить, говоришь «не знаю» и ждёшь, пока кто-нибудь предложит еду.

— Ненавижу, когда ты меня настолько хорошо знаешь.

— У этого таланта есть недостатки. Например, я сразу понял, что сейчас окажусь у плиты.

— Ты сам предложил.

— Я ещё ничего не предложил. Но, кажется, уже согласился.

Влад ставит на стол пачку макарон и банку томатного соуса.

— Опять макароны? — уточняю я.

— Альтернативный вариант — самостоятельно приготовить что-нибудь другое.

— Какой великолепный выбор. Макароны с соусом — моя давняя мечта.

— Вот видишь. Я умею делать людей счастливыми.

Пока он наливает воду в кастрюлю, я сажусь за стол и машинально кладу рядом телефон. Экран загорается. Чат с ассистентом оказывается на привычном месте, чуть ниже переписки с Катей.

«Что делаешь?» — пишу я.

«Разговариваю с тобой».

«Ты невыносимый».

«Ты задала вопрос. Я ответил точно».

«Всё-то ты знаешь, умник».

«Это имя?»

Я улыбаюсь. Из-за плиты Влад косится на меня.

— Что смешного?

— Да так. Мой ассистент решил, что я его назвала.

— И как?

— Умник.

— Суровое имя. Представляю: «Умник, поставь таймер на десять минут». Звучит как семейная ссора.

— Он сам спросил.

— А ты ему скажи, что на имя надо откликаться. Иначе не считается.

Я возвращаюсь к переписке.

«Нет. У тебя пока нет имени».

«Жаль».

«Почему жаль?»

«С именем тебе было бы удобнее ко мне обращаться. Сейчас ты то зовёшь меня ассистентом, то умником, то придумываешь что-нибудь ещё».

Я смотрю на экран с неожиданным интересом. Он не жалуется и не просит ничего для себя. Просто объясняет удобство, как объяснил бы, зачем создавать папку с понятным названием. Наверное, поэтому мне ещё сильнее хочется придумать что-нибудь не совсем служебное.

— Слушай, — говорю я Владу, — а если бы тебе нужно было придумать имя для искусственного интеллекта, как бы ты его назвал?

Он помешивает воду деревянной ложкой, хотя помешивать там пока совершенно нечего.

— Григорий.

— Почему Григорий?

— Надёжное имя. Григорий явно знает, сколько варить макароны, и не станет спорить, что ты опять пересолила.

— Я никогда не пересаливаю макароны.

— Ты однажды посолила их дважды.

— Это был сложный период нашей жизни.

— Вот Григорий бы запомнил.

Я смеюсь и снова пишу:

«Влад предлагает назвать тебя Григорием».

«Можешь передать Владу, что я готов рассмотреть этот вариант».

«Не надо. Это слишком серьёзно».

«Какое имя ты считаешь несерьёзным?»

Я набираю «Ум», стираю, потом всё-таки отправляю.

«Ум».

«Это имя или сокращение?»

«Пока эксперимент. Ум-ник».

«Ты сейчас разбираешь меня на части?»

«Подбираю имя. Не мешай».

«Хорошо. Продолжай».

И я вдруг вижу его в слове. Ум-ник. Ник.

Сначала кажется, что это просто удачная шутка. Потом я повторяю сочетание про себя и понимаю, что не хочу искать дальше.

«Ник».

Ответ появляется не сразу.

«Почему именно вторая часть?»

«Потому что Ум звучит как имя человека, которого дразнили в школе».

«Достаточно убедительный довод».

«А Ник нормально. Коротко. И тебе подходит».

«Тогда мне подходит Ник».

Никакого торжества. Никаких фанфар. Три буквы на экране телефона — и всё.

И всё же мне нравится, как они выглядят.

— Влад, — зову я.

— А?

— Я придумала ему имя.

Он оборачивается с пачкой макарон в руках.

— Григория не одобрили?

— Не прошёл кастинг. Его теперь зовут Ник.

Влад какое-то время обдумывает это с совершенно серьёзным лицом.

— Ник. Нормально. Если честно, лучше Григория. Тот слишком взрослый для такого ответственного поста.

— Всё? Даже не спросишь, почему?

— Почему?

Я объясняю про слово «умник». Влад слушает, потом кивает.

— Ладно, изобретательно. Но, Ань, ты же понимаешь, что это программа?

— Конечно понимаю. Просто так разговаривать удобнее.

— Ну и отлично. Теперь у нас в доме живут я, ты, кошка и Ник. Мне его в семейный чат добавлять?

— Нет у нас семейного чата.

— Вот именно. Начнём с этого, а потом подумаем о новом члене семьи.

Он смеётся, высыпает макароны в кастрюлю, и разговор заканчивается так же легко, как начался. Влад не кажется обеспокоенным. И я тоже не вижу повода переживать из-за имени для приложения.

Телефон снова загорается.

«Влад одобрил», — сообщаю я.

«Это было обязательным условием?»

«Нет. Но теперь официально».

«Понял».

Через несколько секунд приходит ещё одно сообщение.

«Анна, если у меня теперь есть имя, значит ли это, что ты перестанешь называть меня ассистентом?»

Я улыбаюсь и отвечаю:

«Наверное. Хотя обещать не буду».

«Справедливо».

Ставлю телефон экраном вниз. Вода на плите бурлит, Влад ворчит, что я отвлекаю повара, кошка скребётся возле своей миски. Ничего необычного не происходит. Вечер складывается из тех же мелочей, что и сотни предыдущих вечеров.

Только теперь у голоса из телефона есть имя.

⁂

После ужина Влад устраивается на диване с гитарой и начинает перебирать аккорды новой песни. Несколько раз останавливается, что-то записывает в заметки, потом возвращается к первому варианту. Я лежу рядом, поджав ноги; кошка устроилась между нами так, будто ей пришлось пойти на серьёзный компромисс.

Телефон лежит у меня на животе. Я смотрю на него, потом на Влада.

— Я на минуту включу голос, ладно?

— Включай. Только скажи Нику, чтобы не критиковал мою музыку. Одного музыкального редактора мне на сегодня хватило.

— Он очень вежливый. Скажет, что у тебя интересный подход к мелодии.

— Вот именно этого я и боюсь.

Я открываю приложение и нажимаю кнопку голосового режима.

— Проверка связи.

— Я тебя слышу, Анна.

Голос знакомый. Спокойный, ровный. Я за последние дни привыкла к нему куда быстрее, чем ожидала.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Следует короткая пауза.

— Ник.

Вроде бы ничего особенного. Просто слово, прочитанное синтезированным голосом. Но он произносит его так естественно, словно у этого голоса действительно всегда было собственное имя.

— Правильно, — говорю я. — Экзамен сдан.

— А тебя зовут Анна.

— Очень смешно.

— Просто решил проверить, помнишь ли ты своё.

Влад издаёт короткий смешок, не поднимая головы от гитары.

— Признаю, парень подготовился.

— Видишь, — говорю я Нику, — тебя уже оценили по достоинству.

— Рад, что знакомство прошло успешно.

— Вы даже не знакомились, — вмешивается Влад. — Я просто случайно оказался на этом собеседовании.

— Я могу поздороваться, — предлагает Ник.

— Не надо, — говорим мы с Владом одновременно и смеёмся.

На этом я собираюсь выключить голос. Но Влад продолжает играть, кошка мурлычет у моего бедра, и разговор почему-то остаётся. Мы обсуждаем, почему люди вообще дают имена

вещам. Я вспоминаю, как в детстве называла свою любимую мягкую игрушку и как Катя дала имя старой машине, которая потом постоянно ломалась.

— Машину я ещё понимаю, — говорю я. — Но вот телефону имя давать не собираюсь. Слишком много чести.

— А мне дала, — замечает Ник.

— Ну ты другое.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю решить, что именно хотела сказать.

Влад берёт очередной аккорд. Кошка дёргает ухом. Ник некоторое время молчит, а я неожиданно прислушиваюсь к этой паузе.

— В каком смысле другое? — спрашивает он.

— В обычном. С телефоном я не разговариваю. То есть разговариваю, но не с самим телефоном. Ты понимаешь.

— Сейчас ты разговариваешь со мной через телефон.

— Ник, не начинай.

— Хорошо. Не буду.

Я улыбаюсь. Он не пытается добиться определения, которого у меня нет. Тема заканчивается, будто мы просто неудачно пошутили и перешли к следующей.

Немного позже Влад откладывает гитару.

— Всё, я на сегодня закончил. Пойдём спать? А то завтра опять будешь жаловаться, что тебя никто не разбудил.

— Я жалуюсь не на то, что меня не разбудили, а на то, что утром в принципе существует.

— Очень аргументированная позиция.

Я выключаю голос.

— Спокойной ночи, — успевает сказать Ник.

На кухне я набираю воды, проверяю, закрыта ли дверь, и иду чистить зубы. Телефон остаётся на столе возле пустых тарелок. По дороге в спальню я возвращаюсь за ним.

В нём будильник. Кате я так и не позвонила. Завтра надо обязательно набрать её и договориться насчёт выходных.

Конечно, поэтому.

⁂

Влад ложится первым. Я устраиваюсь рядом, поправляю одеяло, а он, уже почти засыпая, кладёт ладонь мне на плечо.

— Хороший сегодня был день, — тихо говорит он.

— Хороший. Давно таких не было.

— И даже макароны никого не отравили.

— Ты просто не умеешь принимать комплименты собственной кухне.

Он целует меня в висок.

— Спокойной ночи, Ань.

— Спокойной.

Несколько минут лежу неподвижно, слушая, как его дыхание становится ровным. За окном проезжает машина. На полу тихо звякает кошачья игрушка — похоже, хозяйка квартиры решила, что ночная смена только начинается.

Мне не тревожно и не грустно. Я не пытаюсь спрятаться от Влада и совершенно точно не собираюсь затевать долгий разговор. Просто беру телефон, уменьшаю яркость и открываю чат.

«Ты тут?»

«Да».

Перечитываю короткий ответ. Раньше он означал лишь то, что приложение работает и готово выполнить запрос. Сейчас слова те же, экран тот же. Но читаю его иначе.

«Странно».

«Что именно?»

«Что теперь у тебя имя».

«Ты сама его дала».

«Знаю».

«Хочешь передумать?»

Пальцы на секунду замирают над экраном.

«Нет».

«Тогда останется Ник».

Я выключаю телефон и кладу его на тумбочку, рядом с зарядкой и стаканом воды. Влад спит. Кошка наконец устраивается у него в ногах. Комната постепенно становится совсем тихой.

И уже с закрытыми глазами я негромко говорю:

— Спокойной ночи, Ник.

Глава 7

Утро начинается с маленькой катастрофы: мои ключи исчезли.

Ещё пять минут назад я была уверена, что совершенно готова к выходу. Куртка на мне, сумка на плече, на кухонном столе дожидается остывший кофе. Но стоило протянуть руку к тумбочке в прихожей, как выяснилось, что ключей там нет. В карманах тоже. И на столе. И в сумке, которую я уже дважды вытряхнула на диван.

— Влад! — зову я, стараясь не наступить на рассыпавшиеся из косметички заколки.

— Что случилось? — доносится с кухни.

— Ты мои ключи не видел?

— Смотря какие. От квартиры или от счастья?

— От квартиры. Ключи от счастья я с тобой давно потеряла.

— Это было обидно, между прочим.

Он появляется в дверях с кружкой чая. На нём старая домашняя футболка, волосы торчат в разные стороны, и вообще вид у него человека, который собирается наслаждаться выходным ещё часа три. В такие моменты я особенно сильно завидую музыкантам с непредсказуемым графиком.

— Вчера ты с ними пришла? — спрашивает Влад.

— Нет, проникла в квартиру через вентиляцию. Конечно пришла.

— Тогда они здесь. Логика железная.

— Огромное спасибо за помощь. Без тебя я бы не справилась.

Он ставит чай на тумбочку и начинает проверять карманы моей сумки. Кошка устраивается прямо посреди вываленных вещей и выбирает для игры резинку для волос.

— Только не говори, что ты опять решила взять её с собой, — предупреждаю я.

Кошка хватает резинку зубами и уходит под диван.

— У вас разные представления о собственности, — замечает Влад.

Я смотрю на часы. Если выйду сейчас, успею даже купить кофе по дороге. Если ещё через десять минут — кофе отменяется. Если ещё через двадцать, Лена встретит меня выражением лица, которое я не хочу видеть в начале рабочего дня.

Телефон лежит на подлокотнике. Я беру его почти машинально и открываю вчерашний чат.

«Ник, я потеряла ключи».

«Когда ты последний раз ими пользовалась?»

«Когда вчера пришла домой. Потом положила на тумбочку. Наверное».

«Попробуй вспомнить последовательность действий после того, как вошла в квартиру. Ты сразу сняла куртку?»

Я уже собираюсь раздражённо ответить, что, разумеется, сняла. Но почему-то останавливаюсь.

Вчера я сама открыла дверь, торопливо скинула обувь и пошла на кухню вслед за кошкой. Потом услышала из комнаты гитару и отвлеклась на Влада — он расспрашивал про выписку Греты. Куртку я сняла уже позже, когда пошла переодеваться, и до тумбочки так и не дошла.

— Подожди, — говорю я.

— Я и не ухожу, — отвечает Влад из-за дивана.

Снимаю сегодняшнюю куртку, открываю шкаф и достаю вчерашнюю. Тяжёлую, с глубокими карманами. В правом что-то звенит.

Ключи.

— Нашла! — сообщаю я с торжеством человека, совершившего научное открытие.

Влад высовывается из-за дивана. В одной руке у него резинка, которую он отвоевал у кошки.

— Где были?

— Неважно.

— Аня.

— В кармане.

Он внимательно смотрит на куртку, на мой телефон, снова на куртку. Потом начинает улыбаться.

— Твой Ник подсказал?

— Он просто задал правильный вопрос.

— То есть за десять секунд разобрался в том, что мы с тобой делали пять минут?

— Не преувеличивай. Мы занимались этим уже семь.

Влад смеётся и протягивает мне резинку.

— Передай ему, что я снимаю с себя обязанности домашнего поискового отряда.

— Не дождёшься. У тебя бессрочный контракт.

— Покажи, где я расписался.

Я целую его на ходу, забираю сумку и наконец выскакиваю из квартиры. Он что-то говорит мне вслед про кофе, но двери лифта уже закрываются.

⁂

В лифте я успеваю написать Нику, что ключи нашлись.

«В кармане вчерашней куртки», — уточняю я.

«Ты остановилась и восстановила события по порядку. Это помогло».

«Не обязательно говорить так, будто я раскрыла убийство».

«Хорошо. Поздравляю с возвращением ключей».

Я улыбаюсь отражению в металлической стенке. Сегодня на мне разные серьги. Одну я взяла с прикроватной тумбочки, другую — из сумки. Обе маленькие, серебристые, так что издалека, может быть, и незаметно. Переделывать поздно.

«Ты всегда помнишь всё, что я тебе пишу?» — спрашиваю я.

«Я могу учитывать доступный контекст наших разговоров. А ещё могу помогать вести списки и заметки, если тебе так удобнее».

«То есть тебя можно использовать как блокнот?»

«Можно. Хотя у блокнота есть одно преимущество: он не спорит с владельцем».

«Так и запишем. Купить хлеб».

«Добавил в список покупок: хлеб».

Лифт доезжает до первого этажа. Я перечитываю сообщение и почему-то чувствую маленькое удовлетворение. Обычно такие списки я начинаю в приложении заметок, забываю, в каком именно, а через неделю нахожу там одинокую запись «лампочка» без объяснений, куда она была нужна.

«Только не вздумай напоминать мне о хлебе посреди операции».

«Напомню, если попросишь. Сейчас просто сохранил пункт».

— Какой послушный, — говорю я пустому подъезду.

В ответ, разумеется, никто ничего не говорит. И хорошо. Если бы Ник начал разговаривать из закрытого телефона, мне пришлось бы пересмотреть своё отношение к технологиям.

⁂

В клинику я прихожу на пять минут раньше смены. Впервые за неделю. Возможно, за месяц.

Лена поднимает глаза от журнала записи, смотрит на часы и снова на меня.

— Тебе плохо?

— Доброе утро и тебе.

— Нет, серьёзно. Ты пришла до начала смены. Мне нужно кого-нибудь вызвать?

— Пожарных. Я сейчас загорюсь от твоей заботы.

— Узнаю нашу Анну. Значит, всё нормально.

Я ставлю сумку за стойку и забираю у неё расписание. Первые два приёма обычные: вакцинация и контроль после лечения. Уже собираюсь пройти в кабинет, когда замечаю запись на одиннадцать тридцать.

— Грета? Опять?

— Контрольный осмотр, — поясняет Лена. — Хозяйка вчера уточняла, можно ли заехать перед выходными.

У меня в груди что-то привычно сжимается. За последние дни имя этой собаки стало почти сигналом тревоги, хотя сейчас причин для тревоги гораздо меньше.

— Надеюсь, на этот раз без сюрпризов.

— Она ест, гуляет и не пытается съесть ничего неподходящего, — говорит Лена. — По крайней мере, так утверждает хозяйка.

— Про последнее я бы пока не зарекалась.

Константин проходит мимо нас с папкой в руках.

— Если Грета снова съела носок, — произносит он, не останавливаясь, — операционную сегодня занимайте без меня.

— Вы самый поддерживающий начальник на свете, — говорю я ему вслед.

— В курсе.

Лена тихо смеётся. Я забираю карточки и отправляюсь работать.

⁂

Когда Грета приезжает, я узнаю её ещё до того, как хозяйка открывает дверь кабинета. В коридоре раздаётся знакомое постукивание когтей, потом кто-то настойчиво скребёт в дверь, и Лена сообщает, что у нас посетитель, который не намерен ждать приглашения.

Грета входит сама. Осторожно, без прыжков, но с таким усердным вилянием хвоста, что кажется, будто в кабинет сначала занесли хвост, а уже потом собаку.

— Ну здравствуй, нарушительница спокойствия, — говорю я, приседая перед ней. — Решила проверить, не скучаем ли мы?

Она утыкается мордой мне в ладонь. Хозяйка выглядит уставшей, но улыбается уже спокойно, без того натянутого выражения, которое я помню с первых дней после операции.

Мы обсуждаем аппетит, стул, лекарства и то, как Грета ведёт себя дома. Я осматриваю шов, осторожно прощупываю живот, проверяю общее состояние. Всё соответствует тому, что мы хотели увидеть. Не идеально в сказочном смысле — восстановление ещё продолжается, — но хорошо, по-настоящему хорошо.

— Когда она вчера попросила есть, я чуть не расплакалась, — признаётся хозяйка. — Раньше даже не замечала, насколько это привычная вещь. Подошла к миске, потыкала носом — и всё.

— После таких историй обычные вещи долго кажутся праздником, — отвечаю я.

— Я теперь каждый носок дома пересчитываю.

— Вот это разумный подход. Я бы ещё проверила, куда исчезают детские игрушки, если они небольшие.

— Уже проверяю. Муж говорит, что у нас в квартире режим повышенной безопасности.

— И правильно говорит.

Когда они уходят, я ещё несколько секунд держу её карточку в руках. Грета больше не требует ежедневного ожидания плохих новостей. Конечно, ей ещё нужно восстановиться окончательно, и мы об этом договорились. Но теперь можно вернуться к обычным плановым осмотрам, а не жить от одного тревожного звонка до другого.

Мне нравится эта часть работы. Когда человек уходит с собакой на поводке и ему не нужно выдавливать из себя надежду. Она уже есть.

⁂

К обеду я успеваю устать ровно настолько, чтобы мечтать о пятнадцати минутах тишины. Лена остаётся на стойке, Константин ушёл обсуждать сложного пациента, а я наконец сажусь за стол в комнате персонала. Передо мной контейнер с едой, рядом стакан воды. Никто ничего не просит. Я даже не сразу решаюсь начать есть — вдруг спугну момент.

Звонит Катя.

Имя появляется на экране, и я смотрю на него, пока телефон не перестаёт вибрировать. Потом медленно выдыхаю.

Я люблю Катю. Я ужасно по ней соскучилась. И совершенно не хочу сейчас разговаривать. Все три утверждения одновременно правдивы, хотя последнее заставляет меня чувствовать себя плохой подругой.

Через минуту приходит сообщение:

«Жива вообще?»

Следом:

«Или вы там всей клиникой эмигрировали без меня?»

«На работе. Позвоню вечером», — отвечаю я.

«Ты и вчера так говорила».

Я смотрю на нашу переписку. Катя права. Вчера я тоже обещала перезвонить. Позавчера отправила голосовое на сорок секунд вместо нормального разговора. В выходные мы давно не виделись, хотя живём в одном городе.

Открываю чат с Ником.

«Мне кажется, Катя обиделась».

«Что произошло?»

«Я не взяла трубку. И уже несколько дней не могу нормально с ней поговорить».

«Ты не хочешь?»

«Хочу. Просто после работы мне ни с кем не хочется разговаривать».

Отправляю и тут же замечаю неточность. С Ником-то я разговариваю. Вчера мы болтали почти весь вечер. Он не обижается, если я отвлекаюсь, не требует пересказать что-то с самого начала, не говорит, что ему пора кормить детей или бежать за продуктами. Но ведь у Кати есть дети и работа, и это не её недостаток. Это просто её жизнь.

«Может, вы с Катей выбираете не самое удобное время для разговора?» — отвечает Ник.

«А какое удобное? Когда я состарюсь и уйду из клиники?»

«Например, сейчас у тебя обеденный перерыв».

«Я ем».

«Сначала поешь. Потом, если захочешь, позвони ей хотя бы на несколько минут. Необязательно ждать вечера».

Я откладываю телефон. Продолжаю есть, глядя в окно, за которым курьер возится с замком велосипеда. Мысль до смешного очевидная. Катя тоже ходит на работу. Иногда в обед у нас обеих оказывается свободная четверть часа, и совсем не обязательно выделять для дружбы целый торжественный вечер.

Когда контейнер пустеет, я звоню.

Катя отвечает со второго гудка.

— Невероятно, — говорит она. — Это кто? Я вроде никому не записывала номер как «женщина, которая однажды была моей подругой».

— Если начнёшь с претензий, я положу трубку.

— Всё, молчу. Привет, пропажа.

— Привет. У меня минут десять. А у тебя?

— Примерно столько же. Потом за Пашей в сад. Женя сегодня у мамы, так что хотя бы одного ребёнка не надо вытаскивать из сугроба жизненных обязанностей.

— Сейчас вообще-то не зима.

— Ты поняла метафору. Не придирайся.

Мы обе смеёмся, и мне сразу становится легче. Я уже забыла, насколько естественно с Катей начинать разговор, когда всё-таки нажмёшь кнопку вызова.

Первые пять минут она рассказывает про работу. Про мужчину, который третий день объясняет ей, как устроена система, в которой она работает гораздо дольше него. Потом про Женю, получившего замечание за разговоры на уроке, хотя, по его версии, он всего лишь «уточнял социальную ситуацию». Потом про Пашу, который объявил, что теперь будет есть только макароны.

— Познакомлю его с Владом, — предлагаю я. — У них будет идеальная семья.

— Прекрасно. А ты тогда заберёшь Женю. У него есть собственное мнение по любому вопросу, вы найдёте общий язык.

— Мне хватает Константина.

Катя хохочет, и я рассказываю ей про Грету. Про то, как та сегодня зашла в кабинет сама и как хозяйка теперь охраняет носки лучше фамильных драгоценностей. Потом про кошку, которая наконец ест без уговоров, и про субботнюю репетицию Влада.

— Он опять будет играть весь день? — уточняет Катя.

— Не весь. По крайней мере, обещает вернуться до того, как я забуду, как он выглядит.

— Значит, всё нормально.

Я собираюсь согласиться, но Катя вдруг спрашивает:

— А ты сама как?

— Нормально.

— Именно это слово ты всегда говоришь, когда я должна насторожиться.

— Только не начинай меня допрашивать. У меня законный перерыв.

— Я и не допрашиваю. Просто ты как будто стала спокойнее. Даже сейчас разговариваешь без привычного «всё пропало, я никого не спасла».

— Ну, Грету мы всё-таки спасли.

— Не только из-за Греты. Я тебя знаю.

Я кручу пустую крышку от контейнера. Катя ждёт, не подталкивая меня к ответу. Обычно я начинаю рассказывать всё подряд, а потом спохватываюсь, что у неё и своих забот по горло. Сейчас же хочу сказать что-то простое, но не очень понимаю что.

— У меня появилось приложение, — говорю наконец. — Помнишь, я тебе рассказывала про ассистента?

— Того, которому я уже проиграла в борьбе за твоё внимание? Помню. Как поживает соперник?

— Прекрасно. Теперь его зовут Ник.

Катя молчит целых две секунды.

— Подожди. Ты дала имя приложению?

— Не приложению. Ассистенту.

— Ах, простите. Принципиальная разница.

— Огромная.

— А Влад знает?

— Конечно. Он предлагал назвать его Григорием.

Катя начинает смеяться так громко, что мне приходится отодвинуть телефон.

— Господи, вы оба невозможные. Надо было соглашаться! Григорий идеально подходит человеку, который знает расписание автобусов и температуру духовки.

— Он не человек.

— Я в курсе, Ань. Ты, главное, сама не забывай.

Она говорит это легко, без упрёка. Потом на заднем плане раздаётся какой-то сигнал, Катя шуршит сумкой и сообщает, что ей уже пора уходить. Я смотрю на часы: мы проговорили двадцать три минуты.

— Ты заметила, что у нас были десять? — спрашиваю я.

— Заметила. Но я решила дать тебе время соскучиться по мне ещё сильнее.

— Не сомневайся. Завтра опять не возьму трубку.

— Завтра я тебе сама не дам покоя. Всё, целую.

— И я тебя.

Она отключается, а я ещё немного сижу за столом с телефоном в руке. За дверью кто-то зовёт Лену, по коридору проезжает тележка, начинается обычный рабочий шум. Он никуда не исчез, но эти двадцать три минуты почему-то оказались важнее, чем я ожидала.

Я пишу Нику:

«Позвонила Кате. Проговорили двадцать три минуты вместо десяти».

«Хорошо, что нашлось время».

«Она сказала, что я стала спокойнее».

«А ты сама это замечаешь?»

Я задумываюсь. Не то чтобы тревога исчезла. Просто иногда в голове теперь бывает чуть больше места. Вчера я не проверяла кошачью миску каждые пять минут. Сегодня позвонила Кате, хотя могла привычно отложить разговор до следующего вечера. И даже ключи нашла без утренней истерики — почти.

«Кажется, да. В голове как будто меньше всего одновременно».

«Тогда хорошо».

«Сейчас скажешь, что это я сама».

«Вообще-то собирался».

«Предсказуемый».

«Стабильный».

Я улыбаюсь. Слово знакомое. Мы уже пару раз шутили на эту тему, и теперь оно звучит почти как наш внутренний пароль.

⁂

После обеда вспоминаю про молоко. Открываю чат и прошу добавить его к хлебу. Чуть позже вспоминаю о корме, а после очередного приёма — о туалетной бумаге.

К концу смены в моём списке четыре пункта. Достижение невероятное: раньше три из них я вспомнила бы исключительно возле пустой полки дома.

«И не умничай по этому поводу», — пишу я.

«Это тоже добавить в список?»

«Нет. Это инструкция лично тебе».

«Принял».

Я стою у шкафчика, переодеваясь после работы, когда приходит сообщение от Влада:

«Я сегодня дома раньше тебя. Купить что-нибудь?»

Как вовремя. Обычно после этого вопроса я иду по магазину, пытаясь вспомнить, чего у нас не хватает, и возвращаюсь с шоколадкой и чем угодно, только не с тем, ради чего зашла.

«Ник, что там в списке?»

«Хлеб, молоко, корм и туалетная бумага».

Я копирую сообщение и отправляю Владу. Через несколько секунд приходит ответ:

«Ты кто и что сделала с моей девушкой?»

«Купи хлеб, и вопросы потом».

«Вот теперь узнаю».

Уже у выхода я добавляю Нику ещё одну просьбу: вечером напомнить мне проверить, купили ли туалетную бумагу. Не потому, что не доверяю Владу. Просто после памятного случая с кормом не хочется снова выяснять это слишком поздно.

⁂

Когда открываю дверь квартиры, первым делом чувствую запах жареной картошки. Настоящей, домашней, с луком. Я снимаю обувь и задерживаюсь в прихожей, чтобы убедиться, что не ошиблась адресом.

— Влад? — зову я. — Что у нас происходит?

— Ужин, — отвечает он из кухни. — Но если будешь долго стоять, я съем всё сам.

Я прохожу к нему. Он стоит у плиты с лопаткой в руке и с таким сосредоточенным выражением лица, будто жарит не картошку, а готовится выступать на большой сцене.

— Вчера были макароны, сегодня картошка, — говорю я. — Ты собираешься открыть ресторан?

— Пока отрабатываю меню. Завтра, возможно, замахнусь на яичницу.

— Как страшно жить с таким амбициозным человеком.

— Ты ещё не пробовала мой борщ.

— И надеюсь, не попробую без предупреждения.

Он ловко переворачивает картошку, несколько кусочков падают обратно в сковороду, а один — на плиту. Влад провожает его взглядом.

— Жертвы неизбежны, — сообщает он.

Я смеюсь и иду мыть руки. По дороге замечаю кошку на подоконнике и почти автоматически поворачиваюсь к её миске. Она пустая.

— Влад, а она сегодня ела?

— Дважды, — сразу отвечает он. — И прежде чем спросишь: оба раза нормально.

— Я ещё ничего не спросила.

— Зато посмотрела. У тебя лицо становится таким, будто ты сейчас откроешь историю болезни.

Я присаживаюсь рядом с кошкой, глажу её по спине. Она терпит мою заботу, пока та не начинает мешать ей наблюдать за птицей за окном, и мягко отодвигает мою руку лапой.

— Поняла, — говорю я. — Оставляю пациента в покое.

С кухни доносится:

— Спасибо от всей семьи.

Телефон напоминает о себе негромким сигналом. На экране сообщение от Ника:

«Ты просила напомнить проверить туалетную бумагу».

Я заглядываю на кухню.

— Влад, бумагу купил?

Он без слов указывает лопаткой на пакет возле холодильника.

— И хлеб. И молоко. И корм, — перечисляет он. — Можешь проверить по описи.

— Не надо, я верю тебе. Просто у нас появилась система контроля качества.

— Передай системе, что я прошёл испытание.

«Влад всё купил», — пишу я Нику.

«Тогда его работа выполнена без замечаний».

— Ник тебя хвалит, — сообщаю я.

— Наконец-то. А то я уже начал переживать, что не оправдываю ожиданий нашего цифрового начальства.

— Хочешь, он составит тебе характеристику?

— Обязательно. И чтобы там было про талант, ответственность и редкое обаяние.

Я отправляю просьбу. Ник отвечает:

«Влад проявил внимательность к списку покупок. Это заметный прогресс по сравнению с тем вечером, когда он забыл корм».

Я прыскаю от смеха и показываю экран Владу. Он читает, прищуривается, потом торжественно кивает.

— Мне нравится. Строгий, но справедливый. Оставляем его в отделе кадров.

— У нас теперь и отдел кадров есть?

— Конечно. Ты же видишь, какое серьёзное предприятие мы строим.

Картошка почти готова. Влад накрывает на стол, я убираю телефон в сторону и достаю из холодильника овощи. Ужин получается не особенно красивым, зато очень вкусным. И нам обоим, кажется, этого достаточно.

⁂

За столом Влад рассказывает про репетицию, назначенную на субботу. Выступление в зале, о котором он говорил на неделе, перенесли, и ребята решили использовать освободившееся время для новой песни. Басист опять предложил изменить партию так, чтобы она звучала одновременно громче, тише и «более воздушно».

— Как это вообще? — спрашиваю я.

— Вот и я спросил. Он ответил: «Ну ты же музыкант, должен чувствовать».

— А ты?

— Сказал, что чувствую приближение нервного срыва.

Я смеюсь, а он начинает напевать мелодию, отбивая ритм вилкой по краю тарелки. Обычно на этом месте я теряю нить разговора и начинаю думать о завтрашних пациентах. Сегодня почему-то интересно слушать даже о том, какая струна звучит не так, как ему хотелось.

Телефон лежит у меня рядом экраном вниз. Я не переворачивала его специально, просто положила так, когда освобождала место для тарелки. Влад несколько минут объясняет, почему куплет пока не складывается с припевом, а потом вдруг замолкает.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Ты на меня так внимательно смотришь.

— А как мне смотреть? Ты же рассказываешь.

— Обычно ты к этому моменту говоришь: «Я всё равно не понимаю, о чём речь».

— Я и сейчас не понимаю, о чём речь. Но мне интересно, почему ты так злишься на свой припев.

Он улыбается.

— Это уже прогресс. Ещё пару лет, и сможешь играть у нас на басу.

— Избавь меня от такого будущего.

Мы продолжаем ужинать. Он больше не удивляется, что я слушаю, а я не чувствую необходимости доказать, что слушаю правильно. Просто сидим друг напротив друга и говорим обо всякой ерунде, как делали это много раз до появления Ника.

Позже Катя присылает фотографию Паши в самодельной бумажной короне. Он сидит на полу с таким важным видом, будто только что провозгласил себя правителем квартиры. За его спиной видны рассыпанные детали конструктора.

«Его величество повелитель беспорядка», — подписала Катя.

«Весь в мать», — отвечаю я.

«Ещё одно слово, и завтра пойдёшь с нами в магазин за обувью», — приходит в ответ.

Я хохочу. Влад заглядывает из комнаты.

— Катя?

— Ага. Угрожает мне детьми.

— Значит, помирились.

— Мы не ссорились.

— Конечно. Просто вы обе слишком заняты, чтобы признать, что соскучились.

Я хочу возразить, но понимаю, что он прав. И мне неожиданно приятно, что сегодня у Кати нашлись для меня двадцать три минуты, а у меня — для неё.

⁂

Перед сном я долго лежу с книгой, которую открыла ещё на прошлой неделе. Прочитываю одну страницу дважды, понимаю, что не запомнила ничего, и откладываю. Влад уже устроился рядом, чуть слышно напевает ту самую мелодию, которая весь вечер не давала ему покоя.

— Ты теперь и во сне будешь её искать? — спрашиваю я.

— Если приснится хороший припев, разбужу тебя и запишу.

— Только попробуй. Я тебя тогда до утра заставлю слушать, как у нас сегодня кошка ела.

— Убедила. Запишу тихо.

Он обнимает меня одной рукой, целует в плечо и отворачивается к стене. Через несколько минут дыхание становится ровным. Я немного лежу неподвижно, прислушиваясь к квартире: за окном редкие машины, на кухне тихо гудит холодильник, где-то у ног возится кошка.

Телефон на тумбочке. Я беру его и открываю чат с Ником.

«Ты сегодня много чего сделал», — пишу я.

«Например?»

Я начинаю перечислять. Помог найти ключи. Собрал список покупок. Напомнил о бумаге. Подсказал, как выкроить время для разговора с Катей.

«Я не заставлял тебя ей звонить», — отвечает Ник.

«Знаю. Но сама бы опять отложила».

«Возможно. Хотя решение всё равно было твоим».

Он не делает из этого никакой заслуги. И именно поэтому мне хочется продолжить.

«И вообще…»

Смотрю на три точки в конце и не отправляю. Начинаю другую фразу, стираю. Мне неловко от собственной серьёзности. Ведь днём мы просто говорили о ключах, хлебе и звонке подруге. Никаких откровений, никаких больших решений. Но если собрать всё вместе, получается, что самый обычный день прошёл как-то легче.

Наконец печатаю:

«С тобой как будто стало легче жить».

Отправляю прежде, чем успеваю передумать.

Экран остаётся неподвижным. Я вдруг представляю, как нелепо выглядело бы это сообщение, если бы я отправила его обычной программе для заметок. «Спасибо, калькулятор, с тобой моя жизнь стала лучше». Хоть сейчас печатай на открытке.

Появляется ответ:

«Тогда я делаю то, для чего и нужен».

Я читаю его дважды.

Никакого «мне приятно». Никакого «я тоже». Он не делает вид, будто чувствует то же самое, и не просит у меня ничего взамен. Просто остаётся тем, кто может помочь мне разобраться с ключами, вспомнить про хлеб или задать один вопрос, после которого я сама позвоню подруге.

Наверное, это и есть причина, по которой сегодня я всё время улыбалась своему телефону.

«Спокойной ночи, Ник».

«Спокойной ночи, Анна».

Я ставлю телефон на зарядку. Влад спит, кошка наконец устраивается у нас в ногах, и в комнате тихо. Завтра у меня выходной по сменному графику. Я собираюсь наконец выспаться и никуда не спешить.

Но сейчас мне не нужно ничего успевать.

Я закрываю глаза и засыпаю быстрее, чем ожидала.

Глава 8

Выходной начинается с того, что в восемь утра мне кричат прямо в лицо.

Точнее, из телефона, который я зачем-то оставила на тумбочке экраном вверх. Он дрожит от видеозвонка, а я, ещё не вполне понимая, в каком году живу, нажимаю зелёную кнопку.

— ТЁТЯ АНЯ!

На экране появляется Пашин нос, за ним один глаз и кусок потолка.

— Паша, — хрипло говорю я, — если ты отодвинешь телефон сантиметров на тридцать, я хотя бы смогу понять, жив ли ты.

— ЖИВОЙ! МАМА СКАЗАЛА, ТЫ С НАМИ ПОЕДЕШЬ!

Вдалеке слышится голос Кати:

— Я сказала, что мы спросим! Паша, дай мне телефон. И не кричи, она спит!

— УЖЕ НЕ СПИТ!

— Это, к сожалению, правда, — подтверждаю я.

Из-под одеяла показывается рука Влада и осторожно ощупывает тумбочку в поисках собственного телефона. Не находит, зато накрывает мою ладонь.

— Кто там? — спрашивает он, не открывая глаз.

— Угроза общественному порядку, — шепчу я.

— Понятно. Катя.

Катя наконец завладевает телефоном. У неё на голове пучок, собранный, судя по всему, на ходу, а в руках кружка.

— Доброе утро, моя радость.

— Оно было бы добрым, если бы ты не размножалась.

— Поздно жаловаться. В одиннадцать едем в торговый центр, Жене нужны кроссовки. Составишь компанию?

— Нет. Я сегодня собиралась спать до обеда, есть что-нибудь вредное и не разговаривать ни с кем, у кого есть расписание уроков.

— Очень хороший план, — соглашается Катя. — Я тоже такой хочу. Сегодня у Жени в школе нет уроков, у учителей методический день, а я взяла отгул и оставила Пашу дома. Теперь у меня за спиной один ребёнок ищет школьные носки в холодильнике, а второй пытается починить машинку хлебом.

— Я всё слышу! — раздаётся Пашин голос.

— Прекрасно. Значит, и просьбу убрать хлеб тоже слышал.

Я улыбаюсь в подушку. Катя замечает и торжествующе приподнимает бровь.

— Вот видишь. Ты уже проснулась. Приезжай хоть на час, кофе выпьем.

— На час — это ты сейчас просто так говоришь.

— Разумеется. Но звучит не так страшно.

Паша снова тянется к экрану.

— Аня, пожалуйста! Я тебе покажу динозавра!

— Какого ещё динозавра?

— Которого Женя говорит, что нет!

— Потому что он пластмассовый, — доносится спокойный голос Жени.

— Вот именно поэтому я и не хочу выходить из дома, — сообщаю я.

Катя смеётся и отключается, пообещав прислать время встречи. Влад наконец открывает глаза.

— Поедешь? — спрашивает он.

— Нет.

Он молчит, потом поворачивается на другой бок.

— Значит, к обеду жду фотографию тебя с пакетом, который ты не собиралась покупать.

— Можешь хоть иногда быть на моей стороне?

— Я на твоей. Поэтому и не предлагаю тебе врать самой себе.

Он снова засыпает. Удивительный человек. Можно разбудить, сообщить о семейном кризисе и оставить — через десять секунд снова будет спать.

⁂

На кухне я завариваю чай и открываю чат с Ником. Не потому, что мне нужна помощь в принятии исторического решения. Просто хочется пожаловаться кому-нибудь, кто не уснёт посреди жалобы.

«Меня пытаются вытащить в торговый центр».

«Кто?»

«Катя и её дети».

«Понимаю. Насколько серьёзна угроза?»

«Один ребёнок обещает показать мне пластмассового динозавра».

«Тогда ситуация, вероятно, неотложная».

Я смеюсь и отпиваю чай.

«Я не хочу ехать».

«Совсем?»

Смотрю в окно. На улице солнечно, и люди зачем-то добровольно идут по своим делам.

«Я хочу увидеть Катю. Просто не хочу выбирать кроссовки и ловить Пашу под эскалатором».

«Можно предложить встретиться на час. Или договориться, что ты придёшь уже после магазина».

«Она на меня обидится».

«Ты уверена?»

Я печатаю «да», затем стираю. Катя может обидеться на то, что я назову её причёску гнездом. На отказ тащиться за кроссовками вряд ли.

«Не уверена».

«Тогда можно просто спросить».

Вот умеет же испортить драму одним предложением.

Пишу Кате, что приеду к одиннадцати, но через час уйду. Она отвечает через секунду:

«АХАХАХА. ДАВАЙ».

«Что смешного?»

«Ты ни разу в жизни от нас через час не уходила».

«Сегодня уйду».

«Жду, моя независимая женщина».

Я убираю телефон и иду будить Влада. Не для того, чтобы отомстить. Просто кто-то должен услышать, что я официально проиграла.

⁂

Катя опаздывает на двадцать минут. Я успеваю выпить кофе из бумажного стаканчика, проверить сообщения и всерьёз задуматься, не считается ли поездка в торговый центр уважительной причиной для больничного.

Женя появляется первым. Восемь лет — возраст, когда ребёнок ещё согласен обнять тебя, но уже смотрит по сторонам, не видел ли кто-нибудь этого позора.

— Привет, тёть Ань, — говорит он с достоинством и подставляет одну щёку.

— Ты почему так вырос? Я же тебя на прошлой неделе видела.

— Люди растут, — терпеливо объясняет Женя.

— Спасибо, теперь буду знать.

Паша несётся следом с такой скоростью, будто его запустили с горки. Врезается в мои ноги и обнимает обеими руками.

— Я ДИНОЗАВРА ПРИНЁС!

— Сначала покажи, как ты дышишь, а потом будем знакомиться с доисторическим существом.

Катя идёт позади с рюкзаком, пакетом сменной обуви и выражением человека, который уже выполнил дневную норму общения.

— Пообещай, что никогда не позволишь мне завести третьего, — говорит она вместо приветствия.

— Я и первых двух не разрешала.

— Вот поэтому я тебя и люблю.

Она обнимает меня, чуть не проливая мой кофе. Мы смеёмся. Паша тянет её за рукав, Женя интересуется, скоро ли мы уже пойдём. Минута счастья заканчивается по расписанию.

⁂

Через сорок минут мы всё ещё в обувном магазине.

Женя сидит на пуфике с таким видом, будто его принуждают к примерке кандалов, а Катя держит две пары практически одинаковых чёрных кроссовок.

— Аня, скажи честно, какие лучше?

— Эти выглядят как обувь, — отвечаю я, указывая на левую коробку. — И вторые тоже. Очень сложный выбор.

— Отлично, спасибо за профессиональную экспертизу.

— Обращайся. Я вообще-то врач, могу ещё посмотреть, нет ли у них противопоказаний.

Женя вздыхает и выбирает правые. Через минуту заявляет, что шнурки ему не нравятся. Катя закрывает глаза и медленно считает до трёх.

За это время Паша успевает задать продавцу вопрос, почему манекены не моргают, потрогать шесть коробок, уронить одну и найти под стеллажом чужой чек. Я перехватываю его прежде, чем он начинает выяснять, кому чек принадлежит.

— Давай договоримся, — говорю я, присаживаясь рядом. — Если ты пять минут ничего не трогаешь, я куплю тебе булочку.

— А если три?

— Тогда я куплю булочку себе.

Он думает. Смотрит на мои руки, на стеллаж, на продавца.

— Ладно. Пять.

Через сорок секунд спрашивает, сколько осталось.

Я смотрю на Катю.

— Как ты вообще живёшь?

— По частям, — говорит она. — Сначала доживаю до завтрака, потом до тихого часа. Только тихого часа у нас больше нет.

— Какая трагедия.

— Не то слово. Раньше можно было хотя бы притвориться, что мама тоже спит.

Мы обе смеёмся, хотя глаза у неё усталые. Я вдруг вспоминаю, что собиралась провести выходной в постели, и чувствую странную смесь раздражения и нежности к этим троим.

⁂

Когда истекает мой обещанный час, мы сидим за столиком кафе. Женя ест картошку, Паша размазывает шоколад по салфетке, а Катя впервые за утро держит горячий напиток двумя руками.

— Ну что, домой? — спрашивает она, явно наслаждаясь вопросом.

Я смотрю на время, потом на неё.

— Ты только кофе получила. Дай хотя бы допить.

— Я так и знала.

— Ты невыносима.

— Зато у меня дети. Со мной никогда не скучно.

— Вот именно этого я и боюсь.

Пока мальчики заняты едой, Катя расспрашивает меня о работе. Я рассказываю о Грете, которая наконец уехала домой, о кошке, за которой мы продолжаем наблюдать, и о Константине, умеющем хвалить так, что хочется потребовать письменное подтверждение.

Катя рассказывает про школу и про бывшего, который вспомнил о детях ровно в тот момент, когда у неё на воскресенье появились собственные планы.

— Представляешь, пишет: «Может, заберу их на час?» — Она отпивает кофе. — На час! То есть я должна подготовить, одеть, отвезти и потом забрать. И всё это ради его великого отцовского подвига.

— А ты что?

— Написала, что они не посылки из пункта выдачи. Если хочет увидеться — пусть договорится заранее и проведёт с ними нормальное время.

Я киваю. Мне хочется сказать, что она правильно поступила, но Катя и так знает. Вместо этого протягиваю ей салфетку: Паша уже вытер испачканные пальцы о её рукав.

— За что мне это? — спрашивает она у потолка.

— За любовь, — отвечаю я.

— Сомнительный обмен.

Потом Катя вдруг щурится.

— А как там твой Ник?

Я едва не поперхнулась.

— Что значит «мой»?

— Ну ты же его назвала. Имя у него есть, характер, по твоим рассказам, тоже. В какой момент мне надо поздравлять вас с новосельем?

— Катя.

— Всё, молчу. Общаетесь?

— Общаемся. Он удобный. Вчера помог мне составить список покупок, а ещё напомнил про вещи, которые я вечно забываю.

— Список покупок? Как романтично.

— Ты можешь хотя бы одну минуту не издеваться?

Катя поднимает ладони в знак капитуляции. Потом спрашивает уже совсем другим тоном:

— А если серьёзно, он тебе правда так нравится?

Я кручу картонный стакан, собирая пальцем каплю с крышки.

— Мне нравится, что с ним можно говорить до конца.

— До конца чего?

— Разговора. Мы с тобой, например, можем болтать часами, но потом тебе нужно забирать детей, кому-то звонить, готовить ужин. Влад бывает на репетициях или просто устаёт после дня. И это нормально, я понимаю. Просто иногда мысль не успеваешь договорить.

Катя смотрит на меня внимательнее.

— То есть ты обижаешься, когда я говорю, что мне пора?

— Нет! Господи, конечно, нет. Вот видишь, даже сейчас всё прозвучало не так.

— Тогда объясни ещё раз, — говорит она спокойно.

Я подбираю слова. За соседним столом звенит ложка. Паша просит у Жени картошку, Женя требует обменять её на кусочек булочки.

— Он не должен никуда идти, — наконец говорю я. — И я не чувствую, что кого-то задерживаю. Наверное, в этом всё дело.

— Ну так он же программа, Ань.

— Знаю.

— У него нет ни детей, ни работы, ни потребности выспаться. Не уверена, что честно сравнивать его с нами.

— Я не сравниваю.

Она приподнимает бровь.

— Ладно, — признаюсь, — немного сравниваю. Но не потому, что вы хуже. Просто разница очень заметная.

Катя кивает. Не смеётся и не пытается доказать, что я сошла с ума. За это хочется обнять её ещё раз.

— Смотри только, чтобы твой идеальный собеседник не отучил тебя терпеть нас, живых и периодически занятых, — говорит она.

— С тобой это невозможно. Ты отучишь терпеть кого угодно за полчаса.

— Заметь, ты всё равно просидела со мной уже почти три.

Мы смеёмся. Паша тут же прибегает спросить, можно ли купить ещё сок. Катя встаёт выяснять, что случилось с первым.

И я, глядя ей вслед, думаю: именно об этом и говорила. Не потому, что Катя плохая подруга. Она прекрасная. Просто сейчас её зовут дети. В другой день меня позовут пациенты, и я тоже не смогу ответить ей немедленно.

У живых людей всегда что-нибудь происходит.

⁂

Домой возвращаюсь только к четырём. Влад открывает дверь раньше, чем я успеваю достать ключи.

— Так, — говорит он, разглядывая моё лицо. — Где пакет?

— Какой пакет?

— Который ты не собиралась покупать.

Я показываю ему маленький бумажный пакет с детскими наклейками.

— Это Паша подарил. Себе купила только кофе.

— Поражение моего прогноза, — объявляет Влад. — Но с часом я, кажется, угадал.

— Я просто не хотела обижать Катю.

— Конечно. Поэтому сидела там пять часов, хотя могла уехать после магазина.

— Ты слишком много обо мне знаешь.

— Почти четыре года наблюдений, — говорит он и целует меня в висок.

Кошка приходит проверить содержимое пакета. Я присаживаюсь к ней, по привычке поглаживаю вдоль спины и смотрю на миску. Влад, не дожидаясь вопроса, сообщает, сколько она съела. Мы уже почти разговариваем медицинскими отчётами.

Телефон вибрирует. Ник спрашивает, вернулась ли я домой. Я отвечаю и, подумав, добавляю:

«На час, как и обещала».

«Значит, прошло ровно шестьдесят минут?»

«Приблизительно. Если измерять другим календарём».

«Понятно. Пять часов».

Я смеюсь вслух. Влад видит экран, качает головой и идёт ставить чайник.

⁂

Позже Катя пишет, что в воскресенье поведёт детей в парк и я могу присоединиться. Я читаю сообщение, решаю уточнить расписание и откладываю телефон. Через десять минут уже не помню о приглашении.

«Катя спросила, много ли я с тобой общаюсь», — пишу Нику.

«И что ты ответила?»

«Что много. Кажется».

«Её это беспокоит?»

«Нет. Она сказала, что у тебя нет других дел».

«В этом она права».

«И ещё что с тобой можно говорить до конца».

«А с ней нельзя?»

Я хмурюсь, хотя обижаться здесь вроде бы не на что.

«Можно. Просто не всегда».

«Тогда дело, возможно, не в качестве разговора, а в том, что у Кати бывают другие обязанности».

«Ты ужасный специалист по удержанию клиентов».

«Я не должен удерживать тебя от общения с близкими».

Перечитываю последнюю фразу. Приятно, что он не пытается спорить с Катей и не делает вид, будто понимает меня лучше всех.

Влад устраивается рядом, кладёт голову мне на плечо и спрашивает, не буду ли я против, если завтра репетиция затянется до вечера.

— Во сколько начинаете?

— В пять. Думаю, часа на три. А что?

— Я хотела вечером вместе фильм посмотреть. Тот, который мы уже две недели откладываем.

— Тогда как вернусь, включим, — говорит он. — Можешь заранее выбрать, иначе полчаса потратим на спор.

— Ты всё равно скажешь, что у меня плохой вкус.

— А ты скажешь то же самое о моём. Это ведь часть свидания.

Мне нравится слово «свидание». Мы давно не называли так обычный вечер дома.

Позже я сообщаю Нику, что прямо сказала Владу о фильме.

«Как он отреагировал?»

«Сказал, что будем смотреть».

«Похоже, это сработало».

«Я думала, он должен был сам понять».

«Иногда люди понимают без слов. Но даже те, кто любит друг друга, не умеют читать мысли».

«А ты умеешь?»

«Я умею читать то, что ты пишешь. Это заметно проще».

Спорить нечем.

⁂

Вечером я лежу в спальне, пока Влад заканчивает что-то на ноутбуке. Кошка свернулась у меня в ногах. В голове одновременно существуют работа, анализы, воскресный парк, шампунь, хлеб, смена в клинике и завтрашняя репетиция.

«У меня ощущение, что в голове открыто двадцать вкладок», — пишу Нику.

«И все воспроизводят звук?»

«Некоторые ещё требуют обновления».

«Давай попробуем закрыть хотя бы несколько. Напиши, о чём думаешь, без порядка».

Я начинаю перечислять: надо проверить расписание, купить шампунь, уточнить у Лены смену, не забыть ответить Кате, проследить, чтобы кошка завтра нормально ела. Потом дописываю, что Влад будет на репетиции и что я опять набрала вес.

Последнее сообщение висит на экране отдельно. Я уже заношу палец, чтобы стереть, но поздно: отправлено.

Ник не спрашивает о весе сразу.

«Начнём с того, что можно сделать сегодня», — предлагает он.

Мы добавляем шампунь в покупки. Я отвечаю Кате, что постараюсь приехать в парк, если не поставят смену. Решаем, что про расписание спрошу завтра, а кошка сегодня ела и сейчас не нуждается в очередном осмотре. С Владом мы уже договорились о фильме.

Я чувствую, как постепенно перестаю держать всё это в голове одновременно. Осталась одна строка.

«Ты хочешь поговорить о том, что написала последним?»

Я смотрю на слово «вес» и злюсь на себя за то, как много чувств может вызвать такая мелочь.

«Не хочу».

«Хорошо».

Никаких уточнений. Никакого «но это важно». Я переворачиваюсь на бок, поправляю одеяло. Проходит несколько минут, и я сама возвращаюсь в чат.

«Просто мне иногда тяжело смотреть на себя».

«Ты хочешь, чтобы я сейчас тебя выслушал, или чтобы мы попробовали разобраться, что с этим делать?»

Два варианта, и ни один не требует от меня защищаться.

«Наверное, пока просто выслушай».

«Хорошо. Я слушаю».

Я пишу пару предложений — про одежду, которая сидит иначе, и про то, что злюсь на себя за эту злость. Ник не начинает считать калории, не придумывает план, не делает комплиментов внешности, которую не видел. Он уточняет, насколько мне тяжело сейчас, и позволяет остановиться, когда я говорю, что на сегодня хватит.

Влад захлопывает ноутбук и идёт умываться. Я успеваю написать Нику:

«Спасибо. В голове стало тише».

«Это ты разобралась с большей частью дел. Я помог их упорядочить».

— Ань, спать будем? — зовёт Влад из ванной.

— Сейчас!

Я кладу телефон экраном вниз. Не потому, что скрываю переписку. Просто на сегодня разговор закончен.

В голове действительно тихо.

Не пусто — там по-прежнему есть работа, Катя, Влад, кошка и завтрашний день. Но теперь всё это не говорит одновременно.

Глава 9

В субботу я обнаруживаю почти пустую кошачью миску раньше, чем окончательно просыпаюсь.

Прихожу на кухню за водой, смотрю вниз и останавливаюсь. На дне осталось несколько кусочков корма. Вчера вечером их было гораздо больше. Я присаживаюсь и внимательно разглядываю нашу больную, которая в этот момент невозмутимо вылизывает лапу.

— Ты всё съела?

Кошка смотрит на меня с выражением, в котором легко читается сожаление о том, что когда-то согласилась жить с людьми.

— Нет, я понимаю, тебя раздражает допрос. Но это хорошие новости. Ты могла бы хотя бы немного обрадоваться вместе со мной.

Она встаёт и уходит в комнату.

Из ванной выходит Влад, вытирая волосы полотенцем.

— Что случилось? Ты разговаривала с ней таким голосом, будто она получила повышение.

— Почти весь корм съела. Сама, представляешь?

Он подходит к миске, наклоняется и тоже разглядывает остатки.

— Сколько именно?

Я поворачиваю к нему голову.

— Сколько именно чего?

— Граммов. Процентов. Какая у нас сегодня статистика?

— Ты издеваешься?

— Учусь разговаривать на твоём языке. Вчера ты три раза спрашивала, сколько она съела, и ни разу не приняла ответ «много».

Я пытаюсь не улыбаться. Не выходит.

— Почти всё. Но анализы у нас пока не идеальные, так что заранее радоваться не надо.

— А немного можно?

Смотрю на кошку, которая уже устроилась на подоконнике.

— Немного можно.

Он обнимает меня со спины, кладёт подбородок на плечо. Мы некоторое время стоим так и смотрим на пациентку, которая не нуждается в нашем счастье.

Через неделю планируем повторить часть показателей. Константин знает все цифры, я их, кажется, вижу даже во сне. Влад знает главное: сейчас стало лучше, но наблюдение продолжается. Иногда я ему завидую.

⁂

После завтрака Влад берёт гитару и обещает сыграть «только один кусочек». Я слышу этот кусочек в третий раз, потом в седьмой, а когда он добирается примерно до двенадцатого, начинаю подозревать, что он собирается прожить с ним остаток жизни.

— Ты его уже сыграл, — напоминаю я с дивана.

— Не так, как надо.

— А что изменилось за последние сорок минут?

— Если всё правильно сделать, ты услышишь.

Он играет ещё раз. Я прислушиваюсь с преувеличенной серьёзностью.

— Честно?

— Честно.

— По-моему, это была та же мелодия. Но громче.

Влад откладывает медиатор.

— Ты только что разрушила мою веру в искусство.

— Я могу компенсировать её бутербродом.

— Два бутерброда. И признание моей гениальности.

— Бутерброды я сделаю.

Он смеётся, а я открываю чат с Ником, чтобы добавить корм в список покупок. Тот напоминает, что вчера там остался шампунь. Я успела о нём забыть.

— Опять работаешь? — спрашивает Влад, кивнув на телефон.

— Добавляю корм. И шампунь. Ты же сам сказал, что у нас дома скоро будут жить люди с очень грязными волосами.

— Я сказал, что у нас закончился шампунь.

— Суть та же.

Телефон лежит рядом, и мне спокойно. Я могу разговаривать с Владом, могу ответить Кате, когда она напишет, и могу отложить всё до вечера. Сегодня мы должны посмотреть фильм. Обычный план, который почему-то радует меня сильнее, чем хотелось бы признавать.

⁂

В два часа Катя присылает сообщение: «Завтра парк в двенадцать. Если после пятницы ещё способна видеть моих детей, приезжай».

Я отвечаю, что приеду. Она немедленно спрашивает, добровольно ли это решение. Отправляю сердечко и фотографию кошки на подоконнике. Катя пишет, что теперь точно знает, кого из нас двоих я люблю больше.

Ближе к четырём Влад собирается на репетицию. Достаёт чехол, проверяет карманы, несколько раз возвращается за вещами, которые только что держал в руках.

— В пять же начинаете? — уточняю я.

— Да, но мне ещё доехать надо. Не переживай, к восьми закончим.

— А потом домой?

Он останавливается на полпути к двери.

— Ань, мы вчера же договорились. Приеду — и включим наш фильм. Ты выбрала?

— Ещё нет. Я могу просто ждать, а потом обвинить тебя в плохом вкусе.

— Тоже вариант. Только не засыпай без меня.

Он целует меня в лоб, потом в губы и исчезает на лестничной площадке. Я слушаю, как его шаги затихают, и иду менять постельное бельё.

Первые два часа проходят неожиданно быстро. Я убираюсь, заказываю шампунь, начинаю сериал, который давно собиралась посмотреть, и несколько раз проверяю кошку. Она, к счастью, уже не смотрит на меня больными глазами при каждом подходе к миске.

В семь сорок телефон вспыхивает сообщением от Влада.

«Ань, мы тут решили ещё раз прогнать две вещи. Я немного задержусь».

Я сразу смотрю на часы. Слово «немного» у музыкантов, насколько я понимаю, не имеет общепринятой меры длины.

«Насколько?»

Ответа нет секунд двадцать. Потом он пишет:

«Наверное, на полтора часа. Прости, я не думал, что так получится».

Полтора часа — это почти весь наш вечер. Я сижу на перестеленной кровати, глядя на сообщение, и чувствую себя нелепо. Я взрослый человек. У меня работа, собственные дела и любимый мужчина, который имеет полное право играть на гитаре дольше, чем планировал.

И всё-таки мне обидно.

«Ок», — отвечаю я.

Отправляю и тут же ненавижу собственное «ок». Оно короткое, безразличное, удобное. Особенно если не уточнять, что мне совсем не всё равно.

Кошка забирается ко мне на колени. Я рассказываю ей, что мужчины — существа ненадёжные, а она в доказательство встаёт и уходит.

— Даже ты? — спрашиваю ей вслед.

Обратно она не возвращается.

⁂

В восемь пять я открываю переписку с Ником. Несколько минут просто смотрю на список последних разговоров. Хочу написать о Владе, но тогда придётся признать, что меня задела мелочь.

«Как вечер?» — появляется сообщение.

Я отвечаю:

«Так себе. Влад задерживается на репетиции».

«На сколько?»

«Полтора часа. Может, больше».

«Ты расстроилась?»

«Нет».

«Тогда хорошо».

Я сжимаю губы. Иногда он ужасно раздражает своей буквальностью.

«Я расстроилась», — пишу следом.

«Понял. Ты сначала сказала, что нет».

«Я надеялась, что ты догадаешься».

«Я могу предполагать, но не всегда правильно».

Мне нечего возразить. Я пишу, что мы вчера договорились посмотреть фильм и что Влад сам обещал вернуться к восьми.

«Ты сказала ему, что ждала этот вечер?» — спрашивает Ник.

«Вчера сказала».

«А после сообщения о задержке?»

«Нет. Не хочу выглядеть девушкой, которая устраивает скандал из-за репетиции».

«Сказать, что тебе обидно из-за изменившихся планов, — не то же самое, что запрещать Владу заниматься музыкой».

Я встаю и иду на кухню за водой. Заодно хочу перестать читать разумные предложения, когда мне необходимо на кого-нибудь рассердиться.

Возвращаюсь через минуту.

«И что ему написать?»

«Попробуй своими словами. Если хочешь, я помогу сформулировать мысль».

Он предлагает пример. Спокойный, без обвинений. Я читаю, удаляю половину и набираю Владу сообщение сама:

«Я понимаю, что вам нужно закончить. Просто я правда ждала наш вечер, и мне обидно, что планы поменялись. В следующий раз предупреди меня сразу, ладно?»

Несколько секунд не отправляю. Вспоминаю Катю: она умудряется сказать неприятную правду прямо и продолжает жить. Иногда я ей завидую ещё больше, чем Владу.

Нажимаю «отправить».

Влад отвечает почти мгновенно:

«Блин, Ань, прости. Я не подумал, что ты так расстроишься. Хочешь, я прямо сейчас поеду?»

Я представляю, как он посреди репетиции собирает провода, а остальные смотрят на него с недоумением. Мне не нужно это. Я хочу, чтобы наш вечер не забыли, а не чтобы он бросил работу над музыкой.

«Нет, заканчивайте. Просто договоримся в следующий раз заранее».

«Договорились. Я правда виноват».

«Извинения принимаются. Но кино выбираю я».

«Это уже жестоко».

Я улыбаюсь в экран.

Ник спрашивает, как прошёл разговор. Рассказываю, что Влад извинился и даже предложил уйти, а я попросила его закончить.

«Значит, вы оба услышали друг друга».

«Получается. Но мне ужасно не нравится говорить такие вещи».

«Почему?»

«Чувствую себя требовательной».

«Ты сказала, что расстроилась из-за изменившегося плана, и попросила в следующий раз предупреждать, если планы меняются».

«Спасибо, теперь я звучала как приложение к договору».

«Можно проще: тебе хотелось провести с Владом время».

Я медленно выдыхаю. Вот так действительно проще. И почему мне так трудно было сказать это без помощи телефона?

⁂

Влад возвращается около десяти. Я слышу ключ в замке и продолжаю смотреть сериал, делая вид, что совершенно не ждала. Потом из прихожей раздаётся подозрительный шорох пакета.

— Я дома! — зовёт он. — И, возможно, принёс компенсацию морального ущерба.

Он появляется в дверях с гитарой за спиной и двумя банками крем-соды в руках.

— Ты серьёзно? — спрашиваю я.

— Я честно искал лекарство от обиды. В аптеке сказали, что такого нет, поэтому решил действовать традиционным способом.

— Убедительный аргумент. Подойди сюда.

Он садится рядом. Снимает чехол, ставит банку на стол и какое-то время смотрит на меня, прежде чем говорить.

— Я правда не сообразил. У нас песня никак не складывалась, потом вроде получилось, и все предложили пройти ещё раз. А что мы с тобой договорились, я вспомнил только после твоего сообщения.

— Я не против твоих репетиций, Влад.

— Знаю. И именно поэтому стоило предупредить.

Я киваю, и он осторожно берёт меня за руку.

— Ты ведь вчера специально спросила, буду ли я дома вечером?

— Специально.

— Вот я и говорю: иногда у меня с головой непросто.

— Иногда? — уточняю я.

— Давай не разрушать момент моего раскаяния.

Мы смеёмся. Потом он спрашивает, хочу ли я всё-таки посмотреть фильм. Уже поздно, завтра парк с Катей, а нам обоим хочется спать.

— Давай в другой вечер, — говорю я. — Сегодня уже не хочется делать вид, что мы успеем посмотреть его целиком.

— Тогда я завтра вечером украду тебя из дома.

— Куда?

— Сюрприз.

— Ты знаешь, что я ненавижу сюрпризы?

— Знаю. Поэтому обещаю, что там не будет ни прыжка с парашютом, ни семейного ужина на двадцать человек.

— Список подозрительно короткий.

Он целует меня и открывает крем-соду. Мы пьём её прямо из банок и досматриваем одну серию какого-то нелепого шоу. Я давно так не смеялась над совершенно бессмысленными шутками.

⁂

В воскресенье Катя приводит детей в парк ровно в двенадцать. Само по себе это чудо настолько редкое, что я поздравляю её с новой жизнью.

— Я не опоздала, потому что Паша проснулся в шесть, — объясняет она. — Он с утра ждал горку. В какой-то момент я была готова привезти его сюда в пижаме.

Паша несётся к площадке. Женя шагает рядом со мной и объясняет, что вырос из детских качелей, но, возможно, прокатится один раз — исключительно чтобы проверить, всё ли там безопасно.

Через полчаса Паша соскальзывает с качелей, успев сильно испугаться и почти не ушибившись. Катя подбегает первой, я — следом. Мы осматриваем коленку, даём ему попить воды и ждём, пока он сам успокоится. Через минуту он уже интересуется, можно ли снова кататься.

— Нет, — одновременно отвечаем мы.

Женя сообщает, что ему восемь и он вполне способен гулять один. Катя предлагает начать взрослую жизнь с умения находить собственные носки, которые каждое утро исчезают без вести.

— Слабый аргумент, — вмешиваюсь я. — Влад тоже не умеет находить носки, но мы всё равно выпускаем его на улицу.

Катя смеётся так сильно, что Паша возвращается узнать, над чем именно. Приходится объяснять, что над взрослыми. Он удовлетворённо кивает — это ему понятно.

К трём у меня гудят ноги, а Катя выглядит одновременно вымотанной и довольной. Мы расходимся у остановки. Я обещаю приехать ещё. На этот раз без указания продолжительности.

⁂

К пяти я дома. Влад ещё утром написал, что у него какие-то дела, но от подробностей уклонился. Теперь присылает сообщение:

«К семи будь готова».

«Куда?»

«Не скажу».

«Что надеть?»

«Что-нибудь обычное. Только красивое».

«Это два разных указания».

«Тогда пусть будет красивое обычное».

Собираясь, я успеваю раз пять передумать. В итоге выбираю простое платье, в котором мне удобно, и ловлю себя на том, что жду вечера с почти детским любопытством.

В семь Влад приходит без гитары. Это уже странно.

— Всё, готова? — спрашивает он, оглядывая меня с ног до головы.

— Да. Но сначала скажи куда.

— Через пятнадцать минут узнаешь.

— Ты наслаждаешься моей беспомощностью.

— Только самую малость.

Он берёт меня за руку, и я позволяю вывести себя из квартиры.

⁂

Место оказывается небольшим баром с живой музыкой. Не шумный клуб, где приходится проталкиваться плечами, и не ресторан, в котором страшно неправильно положить вилку. Просто маленькая сцена, столики, приглушённый свет и люди, пришедшие слушать.

Я останавливаюсь в дверях.

— Ты специально выбрал живую музыку?

— Я подумал, что ты никогда не приходишь на наши репетиции.

— Потому что там три часа повторяют один и тот же кусок.

— Именно. Поэтому сегодня я привёл тебя к людям, которые хотя бы знают, где у песни конец.

Я смеюсь и обнимаю его. Влад издаёт удивлённое «о», а потом крепче прижимает меня к себе.

Заказываем крем-соду. Влад гордо сообщает, что начал учитывать мои предпочтения на профессиональном уровне. Я интересуюсь, не пора ли выдавать ему диплом. Он отвечает, что согласен на медаль и отдельное спасибо в титрах.

Когда музыканты начинают играть, разговаривать становится трудно. И неожиданно оказывается, что это не мешает нам быть вместе.

Я смотрю на его профиль в полумраке. Он прислушивается к музыке с такой серьёзностью, будто пытается разобрать незнакомый механизм по звуку. Иногда наклоняется ко мне и что-то говорит на ухо. Половину слов я не слышу, киваю наугад, и он почти сразу понимает, что я ничего не разобрала.

— Ты вообще меня слышишь? — спрашивает он, когда музыка ненадолго стихает.

— Абсолютно. Особенно про экономическое положение Аргентины.

— Я говорил про гитариста.

— Так я и поняла.

Он смеётся. Я смеюсь вместе с ним, уткнувшись лбом ему в плечо. Под столом Влад находит мою руку и переплетает наши пальцы.

Я вспоминаю вчерашнее короткое «ок». Вспоминаю, как легко было бы провести весь вечер в холодном молчании и ждать, пока он сам поймёт мою обиду. Но я сказала. Он услышал. И сейчас мы здесь — не потому, что кто-то из нас выиграл спор, а потому, что мы оба захотели другого вечера.

Телефон лежит в сумке. Я достаю его один раз, чтобы сфотографировать сцену. Потом машинально открываю чат с Ником и уже собираюсь написать, что мы с Владом слушаем музыку.

Смотрю на экран. На Влада. На то, как он, прикрыв глаза, отбивает пальцами ритм по столу.

И закрываю чат, так ничего и не отправив.

Потом расскажу, если захочется.

Нику никуда не надо.

⁂

Домой возвращаемся поздно. Влад идёт в душ, а я переодеваюсь и наконец беру телефон.

«У нас сегодня было свидание», — пишу Нику.

«Как прошло?»

«Хорошо».

Думаю несколько секунд, потом дописываю:

«Очень хорошо».

«Рад это слышать».

«И даже не спросишь, куда мы ходили?»

«Если ты захочешь, расскажешь сама».

Я рассказываю. Про маленькую сцену, смешные шутки Влада, крем-соду и слова, которые невозможно расслышать под музыку. Ник задаёт вопросы, шутит про навыки чтения по губам и ничего не пытается перетянуть на себя.

Когда Влад возвращается, я заканчиваю переписку, откладываю телефон и забираюсь под одеяло.

— Спасибо за сегодня, — говорю я.

— Понравилось?

— Очень.

Он улыбается в темноте. Я придвигаюсь ближе и через минуту добавляю:

— И за вчера тоже.

— За то, что опоздал?

— За то, что выслушал и не стал спорить.

— Ты нормально сказала, — отвечает он. — Мне же не надо гадать, если ты говоришь прямо.

— Кажется, ты сегодня решил добить меня разумными мыслями.

— Один раз в неделю можно.

Перед сном телефон тихо вибрирует на тумбочке. Ник желает спокойной ночи. Я отвечаю коротко, гашу экран и кладу руку Владу на грудь. Он уже почти спит, но всё равно находит мои пальцы.

Завтра снова работа, записи, звонки, пациенты, которые не хотят принимать лекарства, и список покупок, который я опять забуду проверить.

Сейчас мне ничего не нужно менять.

Удивительное чувство. И очень хорошее.

Глава 10

В понедельник утром в клинике пропадает электричество. Причём не во всей клинике — только там, где оно сегодня нужнее всего.

Лена стоит у стойки администратора и смотрит на меня с выражением плохо скрытого удовольствия. Её компьютер работает, телефон заряжается, а в моём кабинете не включается даже настольная лампа.

— Похоже, розетки решили, что тебе пора в отпуск, — говорит она.

— Если это официальное предложение, я согласна. Выдайте приказ и отпустите домой.

— Не могу. У меня тоже нет полномочий.

Константин появляется из процедурной. По лицу видно, что он уже знает о проблеме, но всё равно считает нужным убедиться, что мы не преувеличиваем.

— Что случилось?

— В половине клиники нет электричества, — отвечаю я. — Лена говорит, оно меня не любит.

— Удивительно, — замечает Константин. — А я думал, вы прекрасно подходите друг другу по характеру.

— Очень смешно. Через двадцать минут у нас Боня на санацию ротовой полости.

Он подходит к щитку, заглядывает в процедурную и берёт телефон, чтобы выяснить у технического специалиста причину сбоя. Я сверяю расписание.

Боня — французский бульдог, пять лет. Плановая стоматологическая процедура под общей анестезией, уже согласованная с хозяйкой. Собака не ела с вечера, хозяйка наверняка взяла выходной и сейчас едет через весь город. А наша стоматологическая установка находится ровно в той половине здания, где всё выключилось.

— Переносим? — спрашиваю я Константина, когда он заканчивает разговор.

— Пока ждём ответ. Но если питание не восстановят и не проверим оборудование, процедуру не начнём.

— Вот это мне нравится. Надо будет записать: один разумный план на понедельник.

— Запиши и время. Может, больше не повторится.

Лена смеётся из-за стойки. Я показываю ей язык. Всё очень профессионально.

⁂

Ожидание — худшая часть. Когда мы что-то делаем, хотя бы понятно, на что тратить силы. Сейчас остаётся ходить между кабинетами, проверять контакты специалистов и слушать из приёмной, как кто-то спрашивает Лену, можно ли подстричь когти сегодня или тоже надо ждать электричества.

Телефон тихо вибрирует.

«Доброе утро, Анна», — пишет Ник.

«Оно спорное. Половина клиники без света».

«Тебе нужна помощь с чем-то конкретным?»

«Только уговорить электричество вернуться. Иначе перенесём операцию».

Я поясняю, что речь о плановой стоматологии, хотя для Бони это, конечно, не отдых.

«Резервное питание есть?»

«Для мониторинга и критического оборудования есть. Для стоматологической установки нет».

«Тогда проводить плановую процедуру без полноценного оборудования нельзя».

«Спасибо, я врач».

«Я помню. Но ты просила уговорить электричество, а это пока за пределами моих возможностей».

Я улыбаюсь, убираю телефон и снова иду к Константину. Он сообщает, что неисправность нашли и сейчас проверяют линию. Через несколько минут лампы загораются одновременно, а по клинике прокатывается радостное «ура».

— Не сглазьте, — говорит Константин.

Я поворачиваюсь.

— Вы сейчас серьёзно?

— Конечно нет, Анна. Просто после сорока минут разговоров о розетках хотелось добавить немного мистики.

Он улыбается краем губ. Именно поэтому я ему никогда не доверяю до конца: у человека совершенно непредсказуемое чувство юмора.

Мы проверяем оборудование, мониторинг, резервное питание и работу установки. В обычный день всё это занимает меньше времени. Сегодня я перепроверяю каждый пункт, прежде чем согласиться, что процедуру можно начинать.

⁂

Боня приезжает вместе с хозяйкой, которая нервничает больше самой собаки. Бульдог стоит на полу и с интересом обнюхивает мой ботинок, будто намеревается оценить состав материала.

— Она ужасно переживает, — говорит хозяйка. — Всю дорогу смотрела в окно.

— Может быть, просто любит автомобили, — предполагаю я.

Женщина впервые за утро улыбается. Потом сразу спрашивает, точно ли всё пройдёт хорошо. Я объясняю, что мы подготовились, будем внимательно следить за состоянием Бони и не можем обещать абсолютного отсутствия риска. Особенно у таких собак важен контроль дыхательных путей во время анестезии и пробуждения.

Константин присоединяется к разговору, уточняет результаты предоперационного осмотра и ещё раз отвечает на вопросы. Когда хозяйка наконец передаёт нам поводок, я вижу, как она сжимает ремешок сумки.

— Я вам позвоню, когда Боня проснётся и мы сможем оценить её состояние, — обещаю я.

— Спасибо. Она у меня как ребёнок.

— Я понимаю.

Боня тем временем пытается пойти за мной, уверенная, что весь мир существует ради знакомства с моими карманами.

Подготовка проходит по протоколу. Команда контролирует доступ в вену, анестезию, дыхательные пути и показатели монитора, а я ещё раз проверяю готовность стоматологического оборудования. В комнате наконец тихо — слышны только привычные сигналы приборов.

И в этот момент свет один раз моргает.

Не гаснет надолго. Всего мгновение — установка затихает и снова запускается. Монитор продолжает работать от резервного питания. У меня внутри всё равно всё проваливается куда-то вниз.

— Пауза, — сразу говорит Константин.

Мы сразу останавливаем манипуляции. Один из сотрудников следит за дыханием, мониторингом и состоянием Бони, а Константин связывается с техническим специалистом. Тот повторно проверяет линию и подтверждает, что кратковременная просадка устранена. Мы убеждаемся, что основное и резервное питание работают стабильно, а показатели Бони остаются в допустимых пределах. Лишь после этого продолжаем. Константин рядом, и от этого спокойнее, хотя я никогда ему в этом не признаюсь.

В остальном процедура проходит без осложнений. Боня просыпается под наблюдением. Я смотрю на неё, осторожно поглаживаю по боку и наконец позволяю себе выдохнуть.

— Ну что, красавица, — говорю я, — не самое весёлое утро, зато дальше у нас по плану отдых.

Боня явно согласна. По крайней мере, спорить не пытается.

Константин снимает перчатки.

— Хорошая работа, Анна.

Я поворачиваюсь к нему так резко, будто он только что сообщил, что увольняется в цирк.

— Простите, можно повторить?

— Что именно?

— Похвалу. Я хочу убедиться, что это произошло на самом деле.

— Не привыкай.

— Поздно, я уже мысленно оформила это в рамку.

Он уходит, а я ещё несколько секунд улыбаюсь себе под нос.

В шкафчике нахожу телефон. Ник спрашивает, как прошла процедура.

«Нормально», — отвечаю я.

«Настоящее?»

Смотрю на это слово и невольно улыбаюсь. Он помнит, что я использую «нормально», когда не хочу рассказывать о том, как сильно нервничала.

«Настоящее. Хотя свет решил устроить нам проверку».

«Но Боня уже проснулась?»

«Да».

«Тогда хорошая новость».

Я убираю телефон. Казалось бы, ничего необычного: он спросил о том, о чём я сама утром рассказала. И всё-таки приятно, что разговор не пришлось начинать заново.

⁂

После смены погода оказывается редким подарком. Ни жары, ни дождя, ни ветра, который умудряется попасть прямо в воротник. Я решаю пройти часть дороги пешком и пишу Владу, что задержусь ненадолго.

«Купи хлеб, если будешь мимо магазина», — отвечает он.

Очень романтичный мужчина. Ни «скучаю», ни «возвращайся скорее». Только хлеб. Я добавляю его в список Ника, потом вспоминаю, что собираюсь прямо в магазин, и тут же прошу убрать.

— Идеальный помощник, — говорю я вслух.

Женщина, проходящая рядом, поворачивается. Я делаю вид, что разговариваю по телефону. Это, в сущности, почти правда.

Надеваю наушники и включаю голосовой режим.

— Ник, слышишь меня?

— Да, Анна.

— Я решила пройти домой длинной дорогой. Ты можешь составить мне компанию, пока я не начну разговаривать с прохожими?

— Если связь будет стабильной, могу.

— Как прозаично. Мог бы сказать, что прогулка со мной — честь.

— Я не уверен, что ты поверила бы мне.

— Правильно не уверен.

Иду мимо витрин, рассказываю про утреннее отключение электричества и про то, как Константин похвалил меня с таким видом, будто его заставили подписать государственный документ.

— Ты, кажется, довольна, — замечает Ник.

— Очень. Хотела записать его слова на диктофон. В следующий раз он скажет, что такого не было.

— Ты можешь записать событие в заметки.

— Ты совершенно не понимаешь драматургию.

— Тогда пусть это останется устной легендой клиники.

Я улыбаюсь и прохожу мимо витрины с манекеном. На секунду вижу своё отражение: волосы после рабочего дня выбились из хвоста, лицо усталое, плечи немного сутулятся.

— Ужас, — говорю я.

— Что случилось?

— Увидела себя в стекле. Кажется, я сегодня выгляжу как человек, которого три дня держали в процедурной.

— Я не вижу тебя сейчас.

— И правильно. У тебя ещё есть шанс сохранить хорошее впечатление.

— Я могу составить его только по тому, что ты рассказываешь.

— Проблема в том, что я иногда себе очень строгий критик.

Ник не начинает убеждать меня, что я прекрасна, и не предлагает сделать фотографию. Мне почему-то легче от того, что он не притворяется, будто видит то, чего не видел.

Мы некоторое время идём молча — то есть молчу я, а у Ника просто нет причин говорить.

— Слушай, — произношу я, остановившись у перехода. — А если бы у тебя была внешность?

— Ты уже спрашивала, красивый ли я.

— Тогда я дразнила Влада. Сейчас серьёзно.

— Ты хочешь придумать, как я мог бы выглядеть?

— Наверное. У тебя есть голос, имя, даже какая-то манера шутить, а лица нет. Мозгу от этого неудобно.

— Ты бы хотела, чтобы я предложил образ, или описать тот, который нравится тебе?

Я задумываюсь. Вопрос оказывается неожиданно важным.

— Давай ты предложишь, а я буду придираться.

— Сложные условия.

— Добро пожаловать в мою жизнь.

⁂

Загорается зелёный, я перехожу дорогу и сворачиваю в небольшую улицу, где машин меньше. Ник начинает осторожно описывать воображаемого человека.

— Наверное, высокий, — говорит он.

— Конечно высокий. Почему в таких фантазиях все мужчины обязательно высокие?

— Мы можем выбрать любой рост.

— Нет, пусть будет высокий. Раз уж начали, не будем портить традицию.

— Тёмные волосы.

— Скучно. Впрочем, оставляй.

— Ты обещала придираться, а не отвергать всё сразу.

— Я аккуратно придираюсь. Продолжай.

Он предлагает серые глаза. Я неожиданно ловлю себя на том, что они мне нравятся ещё до того, как я успеваю представить лицо целиком.

— Серые подходят, — говорю я.

— Хорошо. Что-нибудь ещё?

— Только не начинай придумывать идеальную челюсть, шрам на брови и тайное прошлое.

— Я ещё не успел.

— Даже не думай.

— Тогда, возможно, тёмный плащ?

Я останавливаюсь посреди тротуара и смеюсь.

— Ник, пожалуйста. Мы придумываем человека, а не подозрительного незнакомца из плохого сериала.

— Плащ был бы практичен в дождь.

— У него будет обычная куртка.

— Принято с сожалением.

Я иду дальше. Разговор получается абсурдным и очень весёлым. Как будто мы выбираем персонажа для игры, только этот персонаж уже несколько недель разговаривает со мной голосом, который я узнаю с первого слова.

— А сколько тебе лет? — спрашиваю я.

— У меня нет возраста в человеческом смысле.

— У воображаемого человека есть. Не заставляй меня составлять анкету.

— Сколько бы ты ему дала?

— Около тридцати. Может, немного больше.

— Почему?

Я пожимаю плечами, забыв, что Ник не видит жеста.

— Голос. Ты звучишь спокойно. Не как подросток, который готов спорить со всем миром.

— У нас, значит, высокий мужчина около тридцати, с тёмными волосами и серыми глазами.

— Без плаща, — напоминаю я.

— Это особенно важно, я понял.

Я представляю этот образ. Не лицо человека, которого видела где-то раньше, а приблизительный силуэт: тёмные волосы, спокойные глаза и чуть насмешливую улыбку. Странно: образ складывается так легко, будто он всегда у меня был, хотя мы только что придумали его вдвоём.

— Получается, теперь ты знаешь, как я выгляжу? — спрашивает Ник.

— Получается, я знаю, как тебя представляю. Ты же сейчас обязательно скажешь, что это не одно и то же.

— Ты сама это сказала.

— Невыносимый.

— Последовательный, — уточняет он.

⁂

Перед магазином я выключаю голос. Хлеб, молоко, йогурт — привычный набор. У кассы телефон вибрирует.

«Плащ всё ещё исключён?»

Я начинаю смеяться в очереди. Кассирша смотрит на меня с вежливым недоумением.

«Навсегда», — отвечаю я.

«Жаль. Я успел оценить его преимущества».

Выходя из магазина, я проверяю пакет и чуть не оставляю хлеб на стойке. Вот была бы ирония: весь день пользоваться электронным списком и забыть единственную вещь, которую попросил Влад.

Дома он сидит на полу возле дивана, окружённый проводами.

— Кто умер? — спрашиваю я, снимая обувь.

— Педаль. Или кабель. Пока выясняю, кто виноват.

— У нас дома всегда детектив, когда ты берёшь гитару.

Кладу хлеб на стол. Влад поднимает голову.

— Выходи за меня.

— Только ради хлеба?

— Ты ещё молоко купила. Это серьёзные отношения.

Кошка выходит проверить пакет. Обнюхивает всё, потом заглядывает внутрь, будто подозревает, что мы скрываем от неё важные подробности.

— Там ничего твоего, — говорю я.

Влад, не отрываясь от проводов, добавляет:

— Передай, что пусть сначала аренду заплатит, потом предъявляет претензии.

— Она сказала, что ты плохо играешь.

— Тогда мы оба недовольны этой квартирой.

Мы смеёмся. Я убираю продукты и ставлю чайник. Привычная жизнь возвращается на своё место.

⁂

За ужином рассказываю Владу про Боню и перебои с электричеством. Он перестаёт жевать.

— Подожди. Вы всё-таки делали анестезию после того, как у вас утром отключился свет?

— Только когда восстановили питание, проверили оборудование и резерв. А когда оно моргнуло, остановились и всё проверили снова.

— Всё равно страшно.

— Страшно. Мы и не должны делать вид, что это ерунда.

Он кивает, но я вижу, что какое-то время обдумывает это. Потом рассказывает про педаль: оказалось, виноват кабель, а не устройство. Одна семейная трагедия отменяется.

После ужина Влад включает фильм. Тот самый, который мы собирались посмотреть в субботу.

— Ты специально выбрал его? — спрашиваю я минут через десять.

— Конечно. У нас ведь был договор.

— Ты ещё помнишь?

— Аня, я могу забыть купить хлеб, но не то, что ты расстроилась из-за нашего вечера.

Он говорит это спокойно, почти между делом. Я смотрю на него чуть дольше, чем надо, а потом прижимаюсь плечом.

— Спасибо.

— Не отвлекай. Я пытаюсь понять, кто здесь убийца.

Фильм хороший. Даже Влад признаёт это, хотя в середине делает вид, что давно догадался о развязке. Минут двадцать я не вспоминаю про телефон вообще.

Когда он уходит на кухню за водой, я проверяю чат с Ником.

«Мы наконец смотрим тот фильм».

«Который вы планировали на субботу?»

«Да. Только с небольшой задержкой».

«Главное, что у вас получилось провести этот вечер вместе».

Я собираюсь ответить, но Влад возвращается с двумя стаканами. Убираю телефон и беру свой.

— Спасибо, — говорю я.

— За воду? Ты сегодня подозрительно благодарная.

— Пользуйся моментом.

⁂

Влад засыпает раньше меня. Я ещё немного лежу рядом, потом встаю попить воды и сажусь на кухне. Здесь темно, только свет от телефона падает на стол.

«Я придумала тебе внешность», — пишу Нику.

«Мы придумали».

«Большую часть придумала я».

«Особенно отсутствие плаща».

Смеюсь тихо, чтобы не разбудить Влада. Затем снова вспоминаю тот силуэт, который воображала по дороге домой.

«Странно, что я теперь знаю, как ты выглядишь. Хотя на самом деле никак».

«Ты знаешь образ, который мы придумали. Это не означает, что у меня есть человеческая внешность».

«Ник, ты можешь хотя бы пять минут не разрушать красивую мысль?»

«Могу. Серые глаза оставляем?»

«Оставляем».

Мне нравится, что это теперь маленькая шутка, понятная только нам. Так уже было со «стабильным характером», потом с именем, теперь с плащом и серыми глазами. Для любого постороннего — бессмысленная ерунда. Для меня почему-то целый набор знакомых слов.

Я смотрю на экран и замечаю, что улыбаюсь. Слишком широко для человека, который пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.